

Алексей Доронин

ДОРОГА МСТИТЕЛЯ

«КРЫЛОВ»

Черный день

Алексей Доронин
Дорога мстителя

«Крылов»

2022

УДК 84Р1-44
ББК 882

Доронин А. А.

Дорога мстителя / А. А. Доронин — «Крылов», 2022 — (Черный день)

ISBN 978-5-4226-0409-8

Потеряв всё из-за жестокости новоявленных вершителей судеб, он отправился в поход с наивной верой в то, что горстка героев может сокрушить силы зла. Но реальность оказалась не очень похожей на фильмы. И страшнее, чем всё, что он себе представлял. И теперь мститель один против всех опасностей Дороги, из которых самая первая – люди. Странник проклятого мира. Он найдёт цивилизацию. Но она ему не понравится. Перед его глазами туманный и мрачный Петербург, раздираемый конфликтом магнатов. А в памяти – дикий радиоактивный Урал, где он впервые понял, что у зла много облиций, а мир далеко не такой чёрно-белый, как ему казалось. Обе эти дороги странник должен пройти до конца, чтобы ответить на вопрос: можно ли быть светом для кого-то в этой непроглядной тьме?

УДК 84Р1-44
ББК 882

ISBN 978-5-4226-0409-8

© Доронин А. А., 2022
© Крылов, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	33
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алексей Доронин

Дорога мстителя

Чем ярче горят мосты за спиной, тем светлее дорога впереди.

Омар Хайям

Дьявол коварен – он может явиться к нам просто в образе дьявола.

Станислав Ежи Лец

© А. Доронин, 2022

© ИК «Крылов», 2022

Книги серии «Черный день»

1. Черный день
2. Сорок дней спустя
3. Утро новой эры
- 4. Призраки Ямантау**
5. Поколение пепла (романы вышли в одном томе под названием «Поколение пепла»)
6. Дети августа
7. Час скитаний
- 8. Дорога мстителя**

Пролог

Люцифер повержен

Убежище концерна «X-Space»,

Гамбург, Германия

26 августа 2019 г.

Три дня после катастрофы

Сидя в полумраке и прислушиваясь к шорохам за металлической стенкой, Элиот Мастерсон думал о лунном море Спокойствия.

«Как там моя капсула?»

Эта фраза своей двусмысленностью заставила его усмехнуться. Ведь он, заложивший капсулу времени в неглубокой складке лунной поверхности, теперь сам находился в стальной капсуле. Но уже под поверхностью Земли, часть которой превратилась в лунный ландшафт. В Гамбурге, втором по величине городе Германии. И спокойствие было тем, чего ему так сейчас не доставало. И он бы не отказался находиться сейчас не здесь, а на Луне, недалеко от места посадки «Аполлонов».

Фирма из Техаса «Ark-tech Engineering, inc.» поставляла эти модульные бомбоубежища, похожие на цистерны, не только на внутренний рынок, но и в Европу, и на Ближний Восток, и во многие другие уголки мира.

Эконом-класс – для частных лиц, во двор коттеджа. Всего сто пятьдесят тысяч долларов. Минимум удобств, минимум площади, но для семьи из четырёх человек вполне достаточно (да, термин социологов «nuclear family» приобрел бы новое значение). Спрос на них был стабильный, расходились капсулы как горячие пирожки.

Премиум-класс – для обеспеченных покупателей. Там уже можно переждать опасный период с относительным комфортом. Имеются спальни с нормальными кроватями, а не откидные койки, ванные комнаты. Потолки высокие. И даже, по желанию заказчика, сауна и комната с тренажёрами. Элиот знал, что такую штуку Рон Каспарян, венчурный миллиардер, профессиональный игрок в покер и любитель окружать себя голыми фотомоделями, установил под своим особняком в Монако. В последние годы он проводил в этом карликовом государстве почти всё время, говоря, что в Калифорнии стало слишком много бомжей и коммунистов, ему влом платить им налоги.

Элиот познакомился с Роном благодаря тому, что одно время встречался с очень популярной поп-дивой, ролики которой на Ютубе собирали сотни миллионов просмотров. Так вышло, что Мастерсон прекратил отношения со звездой через полгода (это уже было достижение). Она погрязла в судебных тяжбах со всеми бывшими партнёрами, но с него получить ничего не смогла. Зато один из её «бывших» неожиданно стал Элиоту закадычным другом. Может, тому было приятно, что изобретатель её обломал.

А может, сказалась общность увлечений. Этот человек с внешностью мафиози тоже увлекался космосом, трансгуманизмом (мечтал жить вечно), а на закуску – «всей этой выживательской хернёй, на случай если русские или китайские комми сожгут этот грёбанный мир». Впрочем, ультраправым реднеком Рон тоже не был. С его-то «неарийским» происхождением! Это была одна из его масок. Человек с несовременными хобби, плевавший на нормы «новой этики». Да, в общем-то, и старой тоже.

«А как ты будешь выбирать, которую из них взять с собой?» – спросил как-то Элиот по видеосвязи, когда их яхты бок о бок выходили из гавани крупнейшего порта Австралии, накануне регаты Сидней–Хобарт.

Шел 2018 год, котировки акций стабильно росли, и небо было ярко-синим.

«Кину жребий, – усмехнулся загорелый дочерна бородатый нувориш армянского происхождения. – А может, всех возьму. Мои девочки одинаково хороши. Верно, крошки?». «Девочки» в это время усиленно массировали ему спину, руки и ноги. Смотреть на них, больше похожих на звёзд из фильмов для взрослых, было так же больно, как на солнце без очков. Они были ослепительны.

Элиот, конечно, и сам далеко не монах, но это уже слишком. Он тактично промолчал, а про себя подумал, что пять женщин такого типа, запертые в замкнутом пространстве, – настоящий серпентарий. Вопрос только в том, начнут ли они сначала убивать друг дружку или прежде прикончат плейбоя. Впрочем, это не его дело.

Сам он предпочёл бы взять с собой всего одну, единственную. Его личная жизнь была далеко не такой поступательно-прогрессивной, как его крестовый поход по завоеванию мира (как он сам назвал свой бизнес в Твиттере, когда вышел туда под неправильными веществами). Скорее, она напоминала динамику биржи углеводородов.

Кто бы мог подумать, но и таких людей, как он, бросают. Да ещё пытаются отщипнуть денежную компенсацию за годы страданий. Конечно, он отбилсЯ. И не делал из этого драмы. Жизнь нужна, чтобы ею наслаждаться.

Прошло время, и всё снова начало складываться в лучшем виде. Несмотря на то, что «завоеванию мира» Мастерсон уделял по-прежнему 95 % своей энергии, нашлась та, которая видела в нем не кошелёк, не «атланта», а человека. Так он предпочитал думать.

Но в роковой августовский день, заставший его в Гамбургском филиале с инспекционной поездкой, женщина, которую он хотел бы видеть рядом с собой даже после конца света, находилась на другой стороне земного шара, в Сан-Франциско.

И только боги знают, что там произошло. Он не смог получить ничего точнее размытого снимка со спутника.

Третий тип убежища – класса «Кондоминиум» – предназначался для сотрудников офисов крупных компаний. Многие швейцарские банки обзавелись подобными ещё во времена Холодной войны. В них, кроме жилых секций и систем жизнеобеспечения, имелись даже конференц-залы, а внутреннее пространство было максимально стилизовано под офисное помещение.

Именно к таким убежищам относилось то, где Элиот сейчас находился. Его «каюта» была едва ли не единственным местом, где этой фальшивой стилизации не было. Где всё выглядело не как офис и не как комната из особняка в Палм-Бич, Майами. Где всё было как в чреве космического корабля. Аскетичного, летящего куда-то к Марсу.

«Как оценить долю моей вины в том, что произошло?» – второй вопрос, который он задал себе.

Пять процентов? Двадцать пять? Сорок?

Раньше он думал, что судьбы цивилизации поддаются таким же прогнозам, как венчурные сделки. Но разница была. И даже не в цене ошибки. На венчурные сделки не влияет антропный принцип, и незачем учитывать парадокс выжившего. Говоря простым языком: если ты, крутя барабан «русской рулетки», до сих пор жив, откуда тебе знать, закономерность это или удача? Сколько пуль в барабане и сколько из тех, кто крутили его одновременно с тобой – на других планетах – уже получили дыру в башке (или что у них там вместо неё)? А если ты выжил после тысячи прокруток, рано или поздно даже сумасшедшее везение должно закончиться.

* * *

Ударная волна накатила на Headquarters Building с чудовищной силой. Но построенное по технологии, гарантирующей сейсмоустойчивость, на материковой плите, где сильных землетрясений не случалось за всю письменную историю, тридцатипятиэтажное здание устояло.

В отличие от того же Рональда, Мастерсон всегда относился к небоскрёбам без особого пиетета. Не как к фаллическим символам могущества, а как к чисто утилитарным постройкам. В Северной Америке те отделения его компании, которые непосредственно занимались разработкой и производством, размещались в зелёных пригородах, похожих на университетские кампусы. Но необходимость пустить пыль в глаза никто не отменял. И что лучше небоскрёба может передать идею устремлённости ввысь, к вершинам прогресса? Только космическая ракета. Поэтому здание в районе Хафен-Сити бывшего ганзейского города Гамбурга, построенное у самой кромки морской воды, воплощало в себе черты космического корабля, рвущегося в небо.

Несмотря на кажущуюся лёгкость и ажурность, оно было прочным и надёжным.

Выдержит ли небоскрёб второй возможный удар? Они не стали ждать, и в соответствии с Планом, не мешкая, бросились вниз по лестницам под мелодичные трели сигнализации. Всё это напоминало страшную игру. Безумный квест.

Спустились до подвального этажа, совмещённого с подземной парковкой, из которой шёл туннель длиной семьдесят метров – под безопасную кровлю укрытого глубоко в толще земли убежища. Никто из работников центра не потерялся по дороге – проход, ярко освещённый аварийными лампами, был прямым как стрела.

Возможно, в странах, где страх перед нападением врагов граничит с паранойей, такие инструкции и обязательны для разработки. Но в «свободном мире» это редкость, если говорить о частной фирме, а не о войсках или государственной конторе.

Все меры были исключительно инициативой руководства компании.

Окна в лестничном колодце были крохотными, с толстыми стёклами. Мало кто знал, что они ещё и бронированные, и термостойкие. Резво сбегая вниз, не взяв с собой ничего, ни бумаг, ни гаджетов, и как всегда без галстука, в рубашке-поло и джинсах – Элиот, задержавшись на несколько секунд у окна, разглядел через помутневшее стекло (сделанное из того же материала, что иллюминаторы космических кораблей), что город внизу горит! Пылают машины на улицах Хафен-сити, и языки пламени вырываются из окон соседних зданий... тех, которые не превратились в груды щебня.

Над землей поднимались столбы дыма, смешанного с пылью.

На бегу трудно было понять масштаб катастрофы. Построенный на месте бывшей портовой зоны, этот фешенебельный деловой район всё ещё оставался полупустым. Элиот успел увидеть, как несколько фигурок людей, пригнувшись к самой земле, бегут к недавно построенной станции метро. Ещё с десятков металась в панике. И ещё больше лежали и не шевелились, заметные только там, где их скопилось много. Соседнее здание правления другой аэрокосмической корпорации, похожее на причаливший к берегу лайнер, на его глазах рухнуло, погребая под обломками всех служащих и посетителей.

– Святой Иисусе!.. – вырвалось у него. Но он оторвался от окна, пропустил ещё несколько человек и побежал следом. Вниз.

Картина разрушений всё ещё стояла у него перед глазами.

По обеим берегам Эльбы здания горели как свечи, а со стороны Альтштадта и Санкт-Паули ветер нёс тёмное облако сажи и пепла. Примерно так, как это было 11 сентября на Манхэттене.

Чёрные столбы дыма уже поднялись на высоту нескольких сотен метров, но чудовищный гриб наземного взрыва – милях в пяти к юго-востоку – намного их обогнал. Элиот не очень хорошо разбирался в ядерных бомбах и заставил себя не тратить время на догадки. А что, если будет ещё один взрыв?

Слабая нотка запаха гари, щекотавшая ноздри, подсказывала, что и в его здании начинался пожар. Огонь – самое опасное и разрушительное, что несут с собой любые бомбардировки городов, это он помнил.

И даже то, что пожарная дверь отрезала их от наружной части здания, не помогло. Видимо, вентиляция не сработала как надо.

– Сюда, сэр! – Альберт Бреммер, глава службы безопасности филиала, работавший до этого в «Academi», а ещё раньше служивший в составе Коалиционных сил MNF-I в Ираке, встречал их у ворот убежища.

Мастерсон шёл последним. Все его люди были уже внутри.

Выправка у встречающего была военная, хотя вместо формы на нём был гражданский костюм.

«Academi» – это вам не научная академия, а то, что раньше было известно как «Blackwater». Частная военная компания со зловещей репутацией, отметившаяся во всех горячих точках мира. Но эта сомнительная слава, впрочем, тоже была своеобразным брендом.

«Ну и видок у нас, – подумал Мастерсон, когда они миновали подземный коридор с нанесённой на стены светящейся разметкой, и за ними с шипением закрылась ещё одна герметичная дверь. – Бледные, как мертвецы. Надеюсь, те зелёные таблетки помогут».

В красноватом свете ламп сотрудники компании – и мужчины, и женщины – действительно казались похожими на участников фестиваля зомби. Кто не в слезах и соплях, тот трясся или был бледен, оцепенев в смертельной апатии. И рефреном звучала фраза: «We all will die!». А они ведь не представляли себе масштаба случившегося.

«Как там сейчас Рональд с его моделями?» – с непонятно откуда взявшимся злорадством подумал Элиот, когда ещё одна стальная дверь за ними захлопнулась и была задраена надёжнее, чем на подводной лодке.

Это произошло на втором часу пребывания в индивидуальной капсуле. А именно – на восемьдесят третьей минуте. Даже если бы у Элиота Мастерсона не было с собой часов, он ни за что не ошибся бы. Просто потому, что всё это время сидел, затаив дыхание, даже не моргая, и считал секунды. Пульс у него был учащённый, и никакой из методов тибетских монахов в этот раз не помогал.

Несмотря на прекрасную вентиляцию, на глубине восемнадцати метров под деловым центром Гамбурга изобретателю было жарко, как в христианском аду, куда ему не раз прочили попасть.

Пол содрогнулся. Где-то над покрывавшими потолок панелями заскрежетало, и несколько холодных капель упали ему за шиворот. За ними полился целый ручей.

Этот «душ», показавшийся ледяным, вывел Элиота из ступора и заставил действовать. Можно было позвать на помощь через интерком – Альберта или Моретти, главного техника. Но они находились далеко, к тому же у них имелись и другие дела (которые он сам им поручил), а вода тем временем продолжала бежать. Человек, называвший себя Изобретателем, выдвинул из стены ящик с инструментами, отвинтил панель и на трубе водоснабжения увидел тонкую трещину. Наверняка имела место недоработка. Металл ненадлежащего качества.

Надо бы подать на компанию «Ark-tech Engineering» в суд, но в остальном «ковчег» пока свою функцию выполнял. Все четыреста двадцать человек из гамбургского офиса разместились по секциям. Системы работали в штатном режиме.

Он мог построить убежища под важнейшими зданиями своей корпорации и собственными силами, но доверил дело компании, которая имела самый большой среди гражданских подрядчиков опыт. Хотя на всех стадиях, от проектирования до финальной отделки, Элиот вмешивался и следил за каждой мелочью.

На всякий случай он провёл вдоль того места, куда попала вода, радиометром. Чисто. Вода была не из внешнего мира. Сейчас она поступала из резервуара, пока не придут точные данные, что вода из подземной скважины безопасна. Пробы как раз брались в этот момент.

Комнату в очередной раз тряхнуло. И, судя по тому, что он ощутил ударную волну, несмотря на систему амортизации убежища, взрыв был такой силы, что наверху гамбургский даун-таун могло сдуть, как картонный домик.

Элиот был далек от мысли, что удар наносился прицельно по нему и его лаборатории. Скорее, целью был развёрнутый в городе в прошлом году центр Сил быстрого реагирования НАТО. А заодно и сам город – центр сосредоточения технологий космической отрасли.

Ему было бы привычнее открыть Систему через свой планшет, изготовленный в единственном экземпляре. Но здесь, в этом кабинете, для самого критического случая имелся терминал, простой и минималистский, как на командных пунктах, какими их изображают в кино. Он сам выбрал такой, хотя до последнего считал эту затею баловством, как и многое другое в жизни.

Терминал словно пришёл из эпохи компьютеров позапрошлого поколения. Он имел десятидюймовый экран, упрощённую клавиатуру и «тач-пад», да ещё поддерживал голосовые команды. Только и всего.

– Система... – Мастерсон не договорил и издал нервное покашливание, которое перешло в более долгий приступ кашля. Нервы, чёрт бы их побрал. Но пока попробует обойтись без «веществ». Не надо лишних нагрузок на сердце.

Он взял себя в руки.

– Панорамный обзор!

И пока Система генерировала картинку земной поверхности, собирая данные с действующих спутников и дополняя её архивными сведениями, успевшими поступить от тех, с которыми связь была уже потеряна, Мастерсон вспоминал все свои достижения и провалы.

Электронную платёжную систему, электромобиль, пилотируемый корабль.

Двух жён, причём с одной он сходил и разводился дважды. Любовниц, среди которых не было ни одной, которая не была бы «звездой». Не зря же он космосом интересовался!

А ещё его орбитальный космический лифт, который теперь так и не будет построен. Он колебался между Шри-Ланкой и Эквадором, но знал, что без помощи Вашингтона не обойтись... помощь после «Дамокла» была бы существенной.

Хотя он ещё в мае подумал: ну да чёрт с ним, с лифтом. Имелось более важное дело, в котором он собирался участвовать – оцифровка сознания через универсальный адаптер «Человек-Машина». Он хотел провести вычисление человеческого разума по Тьюрингу. А через это прийти к победе над «Мрачным жнецом с косой».

Занимался он этим не только из желания облагодетельствовать человечество. Ему самому претило быть бомбой со встроенным таймером. С жёстко заданным лимитом того, что сможешь успеть сделать: сколько проектов закончить, сколько открытий совершить...

Но если бы и другие воспользовались этим методом – не жалко. Конечно, они бы за это платили, компенсируя его издержки, и не каждый смог бы это себе позволить. Но запредельной цена оставалась бы недолго. В перспективе бессмертие стало бы доступно всем, кому оно по настоящему нужно.

Теперь, когда всё пошло прахом, оно останется уделом богов. И лифта никакого не будет. Кроме лифта в ад.

«Похоже, в том, что людям – и отдельному индивиду, и человечеству в целом – задан такой жесткий лимит времени, есть какой-то страшный смысл», – подумалось ему.

Система поняла бы даже более сбивчивую команду.

«Умный экран», куда могло проецироваться трёхмерное изображение, занимал все стены, кроме одной. А в остальное время он выглядел как обычные стеновые панели.

И вот картина, которую Изобретатель много раз видел в фильмах, но никогда не думал лицезреть в реальности, предстала его глазам.

Над Евразией три четверти спутников не функционировали. Большинство коммерческих спутников, вероятно, тоже попали под горячую руку. Сбиты русскими с помощью специальных средств? Грубым, но эффективным оружием, которое поражает орбитальную группировку чем-то вроде шариков от подшипника? Или не только русскими, а китайцами? Или ещё кем-то?

Пожалуй. Неважно. Но и тех, которые до сих пор оставались в строю, ему хватило. Установленная на них оптика не давала возможности следить за реактивным следом ракет. Но увидеть последствия взрывов она позволяла.

Ещё система могла показать то, что творилось не только в реальном времени, но и в записи – минуты и часы назад.

Он видел, как над Евразией горит неугасаемое пламя. Оно не только не потухло, но и сделалось ярче, захватив ещё большую площадь, чем в первые минуты после атаки. Мастерсон навскидку оценил её в сотни тысяч квадратных миль. Это были стремительно распространявшиеся лесные пожары.

Отмотав время назад, он увидел, как над всей территорией России почти синхронно начали вспухать и наливать красным гноем волдыри, которые потом постепенно опадали и чернели. Это заняло считанные минуты, в течение которых Изобретатель сидел, не видя ничего перед собой, с отвисшей, как у мёртвого, челюстью.

«"Дамокл" сработал. Мы их опередили», – первое, что пришло ему в голову. Но радости не было, только ужас.

А потом чёрные пятна начали расползаться в стороны. Медленно, как чернильные кляксы в воде. Он представил себе гибель миллионов людей в Москве, Ленинграде и других русских городах за считанные секунды, и ему стало дурно. Но ещё сильнее его поразила мысль, что всё пошло не по плану. Хотя он этого и опасался...

Никакой план обезоруживающего нападения не мог предусматривать таких разрушений. Значит, что-то сорвалось. Иначе бы не было явно диверсионных взрывов в почти нейтральном Гамбурге. Значит, вполне вероятен и ответный удар с применением более мощного оружия.

Глава компании изменил масштаб и прокрутил карту влево. К Восточному побережью Северной Америки. Мастерсон ощущал себя наблюдателем, парящим над Землей на высоте в сотню миль.

Это случилось на его глазах, в реальном времени. Точно такие же огненные гроздья вспыхнули там, где находились крупнейшие агломерации побережья. Последним, что Элиот увидел, была гигантская волна, которая зародилась в Нью-Йоркском заливе и со скоростью гоночного болида двинулась на мегаполис.

Большого он не успел рассмотреть. Потому что на девяносто пятой минуте сигнал пропал. Вышла из строя принимающая антенна убежища, несмотря на все её степени защиты. Или все ретрансляторы.

Армия спутников продолжала свой дрейф в космосе, который продлится, пока они не упадут на Землю под действием гравитации, но наблюдатель лишился «глаз». Изображение на экранах не пропало, а зависло. Можно прокрутить заново, было бы желание. Все записалось на сверхнадёжные жёсткие диски с многократным дублированием.

Остальные каналы связи с внешним миром уже обрублены, кроме радиосвязи на коротких волнах и УКВ. Но там творилось такое, что он быстро отключился, чтобы не слушать адский шквал разноголосицы на английском, немецком, французском и неизвестных ему языках.

Изобретатель посмотрел и записи с городских камер наблюдения. Кое-где они ещё работали, в других местах изображение было статично, показывая последнюю картинку до Удара.

Наблюдая, как ведут себя люди накануне гибели, он ничем не мог им помочь. Как муравьи, они выбегали на улицы. Или наоборот, прятались в домах. Устраивали гигантские пробки на шоссе и давки у входов в метро и подземные гаражи.

«Куда вы бежите, на что надеетесь?».

Он всегда умел предвидеть события. То ли благодаря способности к анализу, то ли из-за врождённой интуиции.

Когда Элиоту было пятнадцать, и президентом ЮАР вот-вот должен был стать демократ де Клерк, все ждали новой эпохи мира и братства между расами, а он уже понял, что у этой страны нет перспектив, и надо уезжать, даже если придётся резать по живому. Что впереди если не хаос, то стагнация. И уличная преступность, как в бантустанах, и ВИЧ у каждого шестого, и прочие прелести страны третьего мира. Он себе такой судьбы не хотел и не видел для себя перспектив, хотя понимал, что люди его класса смогли бы отгородиться в безопасных районах.

Но за пределами стен с колючей проволокой под током бушевала бы стихия.

Вот и теперь он отчётливо видел, что будет дальше: через месяц, через год и через десять лет.

– Люцифер повержен, – произнес Элиот Мастер-сон, цитируя то ли книгу, то ли католический гимн. И залпом осушил стакан «Джонни Уокера». – Люцифер повержен. Кирие элей-сон. Beate Leibowits, ora pro me, – внезапно перешёл он с греческого на латынь. – Ora pro nobis... Молись за меня. Молись за нас всех, будь ты проклят...

Этот блаженный Лейбовиц из романа был постыжерным святым. И всё там произошло как здесь...

Элиот зарычал и ударил кулаком в стену. И бил до тех пор, пока на твёрдой обшивке не появилась глубокая вмятина. Когда приступ ярости и ступор прошли, председатель совета директоров компании (которой уже не было) облизнул разбитые в кровь костяшки пальцев и потянулся к нише в стене, будто бы за пистолетом. Но открыл всего лишь микроволновку и поставил туда порцию баночных сосисок с фасолью. Он настроился поесть и надеялся, что ему никто не помешает.

Поев, лёг на спартанскую откидную кушетку и отключил освещение. Два часа сна должны помочь ему собраться. Собраться из мелких кусков.

По своей планировке его «rapic room», убежище внутри убежища, которое можно было изолировать от остального «Кондоминиума», выглядело как каюта космического корабля. Вот ему и начало казаться, что он находится в отделившейся спасательной шлюпке где-нибудь за орбитой Юпитера. Сон навалился внезапно, как смерть. Но перед этим в его мозгу успел всплыть один важный эпизод.

* * *

Они встречались для обсуждения деталей. Лично, без всяких электронных средств и посредников. Два генерала, один конгрессмен-республиканец, один сенатор-демократ и он – Изобретатель. Ему предложили без обиняков: «Почему вы не хотите применить ваш талант для создания супероружия?».

На первый раз Элиот отказался. «Я никогда не работал на войну. С чего бы мне начинать сейчас, господа?».

Это было не совсем правдой. А может, и совсем не правдой. Конечно, он занимался оборонными заказами. Но речь никогда не шла о проекте такого масштаба.

«Чёрт побери, мистер Мастерсон, речь идёт о безопасности западной цивилизации. Вернее, просто цивилизации, без всяких прилагательных, – произнёс сухопарый конгрессмен от штата Джорджия, по внешности типичный WASP и, разумеется, протестант. – Вы думаете, у них там ничего подобного нет? Дешёвого, но не менее эффективного. И вы думаете, они ничего не готовы?».

«Но мы не можем себе позволить неизбирательные методы, – поддержал компаньона демократ из Сан-Франциско, бывший адвокат, имевший, как и прежний президент, предков из Африки. – От вас требуется не так много. Вам надо сделать только колесницу Джаггернаута, а её карающие лезвия предоставьте другим».

Мастерсон ещё раз оглядел своих гостей, сидевших перед ним в его гостиной.

Все они были обычными представителями истеблишмента демократического государства, существовавшими в системе сдержек и противовесов. Никаких масонов, никаких «Черепов и костей», никаких иллюминатов. Биография каждого прозрачна и хорошо известна.

Правда, каждый, если отследить их генетические линии, почти наверняка был потомком хотя бы одного из представителей аристократических династий Европы. И уж точно хоть один их предок был среди тех пятидесяти тысяч британских колонистов, которые сошли на землю Нового Света до 1650 года. У каждого. Включая даже небелого юриста из Сан-Франциско.

То, что они предложили, было слишком вкусным, чтобы отказаться.

«Хорошо, – ответил он, взвесив всё. – Но я не хочу работать в ГУЛАГе, чтобы меня ещё и били за плохую работу. Я не привык, чтобы надо мной стояли с кнутом и секундомером. Я обычно делаю это сам с другими. То, что вы мне поручаете, не пытался осуществить еще никто».

«Но вы уж постарайтесь. ГУЛАГ – это не по нашей части, – ответил, раскуривая сигару, самый старший из его собеседников, генерал, участвовавший в двух последних заокеанских кампаниях. – Мы же цивилизованные люди. Вы будете иметь карт-бланш на любые расходы... в разумных пределах. Надзор будет, но мы обещаем, что он не будет обременительным. Это для вашего же блага, в конце концов».

Само оружие и источник энергии к нему уже были у них готовы и даже оттестированы – как в атмосфере, так и в безвоздушной среде. Пустыня Невада большая, а на недостаток финансирования Пентагон не жаловался даже при демократах.

От него требовалось лишь создать орбитальную платформу. Но вот в этом «лишь» крылась заковыка, практически неразрешимая инженерная задача. А именно такие он любил.

Сначала они предпочитали называть проект «Bear Spear». Медвежье копьё. По аналогии с «кабаниным копьём», которым в средние века знатные феодалы Европы поражали вепрей. А в России с похожими ходили на медведей. Такая здоровенная штукавина, на которую мишка сам напарывается, когда кидается на охотника. И его сила и напор превращаются в его смерть.

Мастерсон видел – и не по BBC, а живую в Бразилии, – как анаконда охотится на кабана и пожирает его. Но сможет ли она одолеть медведя?

Он мог превысить сметную стоимость в полтора раза, и всё равно они бы подписали бумаги, не моргнув и глазом. Но он уложился в предложенную сумму, зная, что после окончания проекта к его услугам будет нечто большее, чем просто деньги. Осталось только присмотреть участок земли на экваторе... Да нет же! Он его давно присмотрел. В южноамериканской стране земля, конечно, немного дороже, чем на Шри-Ланке, но зато политический режим стабильнее. Но нужна была политическая поддержка на самом верху. И тогда космический лифт мог бы стать реальностью...

А что касается «Дамокла»... Конечно, Элиот убеждал себя, что тот никогда не будет пущен в ход, а будет использоваться лишь как оружие сдерживания.

Человек так устроен, что может убедить себя в чём угодно.

Глава 1

Красный крест

Январь 2070 года,
бывшая Челябинская область

К вечеру следующего дня Младший почувствовал себя ещё хуже, хотя делал привалы чаще, чем обычно, и шёл очень медленно. Накатывала тошнота, перед глазами плясали мушки, стучало в ушах. Нога болела, но по сравнению с внутренним дискомфортом это была мелочь. Несколько раз он падал от накатывавшей слабости.

Надо срочно искать укрытие. Причём желательно тёплое. Просто сарая или железного гаража мало. Нужен дом, где он сможет остановиться на пару-тройку дней, растопить печь. А лучше – на неделю... Иначе, несмотря на предательское ощущение жара и сравнительно тёплую для декабря (или уже января?) погоду, он замёрзнет и не найдёт сил встать.

И специально, как по заказу, впереди показались одноэтажные дома. Деревня тянулась по обе стороны шоссе, почти вплотную к нему. Вроде бы такая же мёртвая, как десять предыдущих. Но что-то выглядело тут по-другому.

Мост через речку. Несколько небольших строений, где раньше были кафе, техобслуживание машин, заправка, небольшой рынок... всё нежилое, сильно потрёпанное ветром и временем.

«Еловый Мост».

Не деревня, а скорее посёлок. И уцелевший указатель на въезде сообщает о том же.

Бинокль помог рассмотреть всё получше.

Хвойных деревьев было предостаточно. И болезненной рыжины на них не заметно.

Здания по правую сторону, к северу от шоссе, давно заброшены. Там была всего одна улица кирпичных трёхэтажек, явно нежилых. А вот по другую сторону, к югу от трассы, располагался частный сектор, и некоторые дома выглядели более крепкими.

Выбрав удобное место для обзора, парень с удивлением разглядел в бинокль вполне жилые одноэтажные строения. Сомнений быть не могло! Крыши целые, в окнах стёкла. Заборы не повалены. Даже снег, как ему показалось, кое-где расчищен.

Такое ни с чем не спутаешь. Он видел это впервые за много недель.

В ближайшем доме труба курилась дымком и неярко светилось окошко! Крыша крыта железом, и в нём ни одной дыры.

Ещё несколько огней в отдалении. И ещё несколько дымящих труб.

Пока Александр наблюдал и размышлял, спрятавшись на бензоколонке, где был и маленький магазин (в кассе даже осталась довоенная мелочь), в одном из дворов на южной стороне залаяла собака. Может, в том самом ближнем доме или в соседнем.

Твою мать! Бродячие псы так себя не ведут. Нет, они тоже могут гавкать, но у них даже голоса и привычки иные. Наверное, эта забрехала, сигнализируя хозяину или показывая свою бдительность.

Хотя... вряд ли она уловила запах путника. Слишком далеко. Скорее, цепной пёс среагировал на кого-то из соседей. Или собаки просто перекликались между собой. Он ещё прекрасно мог уйти. Но всё же не повернул назад.

Младший машинально потрогал винтовку, но доставать её из-за спины не стал. От резкого движения стало хуже, голова закружилась сильнее, он пошатнулся и, чтобы не упасть прямо в снег, присел на корточки. Использовать «ружьё» (чаще он называл его так) как костыль не следовало. Хотя ему сейчас не помешала бы лишняя опора.

Держась открытого пространства, Младший побрёл в сторону крайнего дома. Первого дома на его пути за долгие сотни километров, где топили печь.

И вскоре услышал голос.

– А ну, на месте стой! Кого ещё принесло? Ты кто такой?

К нему от дома с железной крышей шёл один – и это хорошо – плотный человек с ружьём. Но, в отличие от Саши, он уверенно держал оружие в руках и направлял его на непрошеного гостя.

На обочине неширокой поселковой улицы человек остановился, ближе подходить не стал. Смотрел внимательно на Младшего.

Кто-то окликнул незнакомца из-за спины. Интонация была вопросительная. Слов Саша не разобрал, их унёс ветер, но голос был женский.

– Куда, дура?! Не выходи, – крикнул мужик, не оборачиваясь и не опуская ружья. – Сам посмотрю! Возьми ствол.

Переключка собак продолжалась, хотя они были не так уж близко. Выбирать не приходилось. Они, скорее всего, не связаны с Ордой. А если и имеют к ней отношение... для них он пока всего лишь путник. Тайну можно сохранить.

Главное – он болен. И риск идти дальше в таком состоянии выше, чем все другие возможные опасности.

– Эй! Я с миром. Я один. Мне нужна помощь.

– Помощь? Откуда ты вообще? – мужик так и не подходил ближе. Он прихрамывал, и посильнее, чем Саша. В руках держал что-то вроде помпового ружья.

– С востока, – громко ответил Саша. – Заблудился. Плохо себя чувствую. Похоже, отравился чем-то.

В доме светились несколько окон, и там мог быть ещё кто-то.

Человек, вышедший навстречу, не выглядел напуганным. Разве что слегка удивлённым. Но чувствовалось, что он уверен – странник им ничем не угрожает. Наверное, в деревне живёт много людей, они все вооружены, и чужаков не боятся. А те – тут Саша вспомнил преследование на дороге – знают, что сюда соваться не надо. Может, уже получали по сусалам.

Но, может, то были не разбойники, а кто-то из местных. Такой вариант не радовал.

Дом был окружён неплохим забором с колючей проволокой поверху. В основном – глухим, из металлических листов, но кое-где решётчатым и просматриваемым насквозь. Взгляд парня упал на ворота, и он чуть не присвистнул. Рядом с ними к забору был прикреплён щит с большим красным крестом. Вот те раз! Как же он раньше не заметил? Наверное, сам бог привёл его сюда.

Ха-ха.

Конечно, Младший в мистику не верил. Но совпадение граничило с providением. Скорее всего, перед ним сельский доктор. Огромная удача – встретить первым именно врача! Значит, есть шанс получить не только кров, но и квалифицированную помощь. Пусть и не задаром.

Почему-то парень был уверен, что его не прогонят, не убьют и не ограбят.

– Помощь, говоришь?

Человек подошёл ближе, и Сашка рассмотрел его получше.

На вид – слегка за сорок. Высокий, плечистый, полноватый, с крупным лицом, на котором нос уточкой смотрелся чужеродно. С усами. Данилов знал, что в деревнях большинство мужиков – бородаты. А в городах обычно брились. Ещё без растительности на лице были солдаты серьёзных армий. У этого же подбородок выбрит, зато оставлены усы, как у какого-то советского маршала.

Первый человек, которого Младший встретил в этом чужом краю. Встретил по-настоящему, а не увидел издалика.

Ну, первый, если не считать убывающего.

Мужик опирался на палку. Точнее, костыль с пластмассовым упором для локтя. Чувствовалось, что ходить ему тяжело, но всё равно в нём ощущалась сила, а не дряхлость. Будто не очень молодой, но ещё и не старый, потрёпанный, но не утративший цепкости и мощи медведь. И всё равно его увечье помогло Саше слегка расслабиться. Если что-то пойдёт не так, имеются шансы пусть не совладать с ним, но хотя бы убежать.

– Я могу заплатить за лечение, – сказал парень.

Хоть лекари и не давали никакой клятвы, считалось, что они должны помогать всем, взяв с чужака оплату, которую он в силах дать. Своих обычно лечили бесплатно. За это медиков нельзя было обижать и грабить. А убивать – вообще запахло. Табу.

Даже самые отморозенные ублюдки обычно соблюдали это правило. Знали, что когда-нибудь помощь может понадобиться и им. А врачей очень-очень мало. Дед говорил, меньше, чем раньше в Африке. Один на тысячи квадратных километров. Поэтому даже убить ребёнка считается меньшим преступлением, чем лишить жизни или искалечить врача. Потому что детей женщины ещё нарожают, сколько надо. Но кто будет принимать роды?

В Сибирской Державе, точнее, по её окраинам, в последние годы, как узнал Саша в Заринске, слонялись и бандиты, и просто воры-скотокрады. После захвата столицы врагами и оккупации большинства сёл они активизировались. Причём нападали даже на мелкие отряды захватчиков – «сахалинцев». Мирных тем более грабили активно. Сейчас, после освобождения, Захар Богданов собирался провести несколько операций против этих отщепенцев силами Милиции. Называли ничейных разбойников «зелёные», наверное, потому, что они в лесах и зарослях скрывались.

Но даже отщепенцы, говорят, правило Красного креста соблюдают. Поэтому логично ожидать, что и на Урале такой закон действует. А может, тут ещё строже. Врачи – товар штучный. Их даже людоеды, скорее всего, не стали бы есть, а заставили бы на себя работать.

Во всей известной ойкумене только в Заринске учили медиков, передавая им по книгам и из личного опыта старых специалистов древнюю премудрость врачевания людских организмов. И животных – тоже. Были ещё самоучки. Но в большинстве деревень, которые не входили в Сибирскую Державу, лекарей не было, разве что шаманы какие-нибудь, повитухи и коновалы, которые худо-бедно лечили скотину, но могли посмотреть и человека: «А чё? Все устроены одинаково». Наверное, у ордынцев тоже существовала медицина, раз организованная армия была.

Врач ему сейчас очень кстати. Саша чувствовал себя совсем хреново. Но вдруг ловушка?

Эх, придётся рискнуть. Ему необходимы крыша над головой, постель, еда. И медицинский осмотр. Или даже помощь. Нужно восстановить силы. За всё это он готов заплатить.

Что ж... если кто-то попытается навредить ему... Младший сейчас не в том настроении, чтобы шутить.

Дома, в Кузбассе, всегда помогали приходящим чужакам... хотя такое случалось настолько редко, что каждый случай запоминался на годы.

– Чего молчишь, язык проглотил? Так откуда ты?

Оказывается, ему был задан ещё один вопрос.

– Возле Кургана жил, – ответил Младший первое, что пришло в голову. Эх!.. Не силён он во вранье. И легенду заранее не подготовил... Но сообразил – не стоит говорить, что прошёл больше тысячи километров, это выглядит подозрительно. – Вы меня извините, мне хреново. Но я не заразный. Это лучевая, дяденька.

Тут уж он не стал врать. А такое обращение... детское... Саша решил выглядеть более инфантильно и жалостливо.

– Всё ясно. Ближе не подходи. Один жил?

По крайней мере, ствол ружья, похожего на «Сайгу», он на Младшего больше не направлял. Может, подумал, что перед ним совсем пацан. В зависимости от ситуации Сашка мог

выглядеть моложе или старше своих лет. Сейчас, измождённый, измученный и больной, скорее всего, смотрелся от силы на тринадцать-четырнадцать. Жалким, заморенным, а не опасным.

– Нет, с родителями и сестрой. Но все померли. От дождей. После этого бродил, охотился, в мусоре копался...

И ведь почти не соврал.

– Ага. А зачем в такую даль пошёл? Курган... это же по другую сторону радиоактивного пояса. Километров пятьсот. Почти Сибирь. И чем ты платить собрался? Я тебя, может, и без платы осмотрю, парень. Но мне интересно.

Вот ведь дотошный тип! Хотя его подозрительность понять легко. Надо было что-нибудь сочинить.

– Патронами заплачу, – вот так и выдал.

Ведь не подумал, чем это может быть чревато.

– Патронами? – в глазах доктора промелькнуло любопытство. – А я смотрю, ствол у тебя за спиной. Что за штука, а? Похожа на винтовку. Где намародёрил? Если в мёртвых городах, то патроны уже не выстрелят. Разве что из старых цинков. И то не все.

Саша молчал, не зная, что сказать.

– Мне выдали...

– Где? – продолжал допытываться мужик. – Так что у тебя за пушка?

– СКС.

– Калибр какой?

– 7.62.

– Значит, не переделка под «Ланкастер». Сними, покажи поближе, перед собой.

Младший в этих терминах ни хрена не понимал, но сделал, как его просят.

– Ого! Точно, СКС. Да еще прицельная планка военная, не охотничья. И на вид ухоженная, не из руин. Где достал? Тоже выдали? Говори, что за армия.

– Дали в отряде, в котором я служил. Совсем недолго, – пришлось ответить Младшему.

Он понял, что противоречит тому, что сказал раньше!

Совсем плохо он умел врать.

– Я имею в виду... служил после того, как мои умерли.

Он хотел было сказать, что возле Кургана есть завод, и там он выменял себе оружие и патроны, но понял, что окончательно заврался бы. Конечно, этот хромой врач вряд ли бывал возле Кургана и вряд ли часто покидал свою деревню. Не с его ногой. Но версия вызвала бы сомнения.

Саша достал из кармана значок Орды и показал на вытянутой руке.

Тот попал к нему случайно. Несколько штук в качестве сувениров снял с трупов погибших ордынцев еще в «Семёрочке» Волков. Потом их у него изъял Пустырник, назвав «вещдоками». Один значок боец с мутировавшей рукой-варежкой успел припрятать, но однажды потерял на привале, а Данилов нашёл и сунул в карман. Думал отдать взрослым, но не мог решить, кому именно: однорукому или Пустырнику. Так и завалялась вещица у него. Парень знал, что у всех врагов есть такие значки, хотя они их не всегда носят, а чаще заменяют нашивными эмблемами. И эти значки не именные, но у каждого есть номер.

– Видел такие, – кивнул врач. Младший не мог понять, что он думает.

– Это значок Орды, – без запинки выдал Данилов. – Или, если буквами... то СПЧ.

– СЧП, – поправил усаый.

– Да-да, верно.

Ему показалось, что врач смотрит на него с подозрением. И не факт, что дело в оговорке.

Действительно, и Курган далеко, и его одиночный поход вызывал подозрения, как и наличие боевого оружия и редких патронов. Он боялся «засыпаться» и говорил первое, что пришло в голову. Заикаться и молчать нельзя.

– Я новобранец. В боях не участвовал. Ехал с ними на машине. А на привале пошёл за дровами и потерялся. Без меня уехали.

Вроде звучало складно. Данилов помнил, что «сахалинцы» набирали в деревнях рекрутов, и многие, особенно молодёжь, шли с ними добровольно.

– Я знаю о них, – кивнул доктор. – Они тут были проездом. Не в курсе, твой отряд или нет. Где-то месяц назад. Ехали на запад. А летом несколько отрядов на машинах прошло в противоположную сторону. На восток. В Сибирь.

– Пытался их догнать, но разве пешком догонишь... – Сашка чуть слезу не пустил, изображая отчаяние. – Пошёл по трассе. Думал, ещё встречу. Не нашёл. Вот, несколько недель скитаюсь. А у вас рядом с переездом мне совсем плохо стало.

«Пусть думает, что я не одиночка. Меньше соблазна будет какую-нибудь гадость выкинуть. А то, что это мои враги... ему не узнать».

Какое-то время хозяин дома молчал. Только после минутной паузы ответил.

– И такое бывает, – кивнул он. – Значит, так, пацан. Пушу тебя. И подлечу, как долг велит. Но не бесплатно. У меня во дворе банька. Печь сам растопишь. Только одно... Понимаю, что ты можешь меня бояться. Я тебя – тоже. Ты можешь быть наводчиком, я могу быть каннибалом или ещё кем. Но раз ты сюда пришёл, то винтарь сдашь. Пока ты здесь, он будет под замком. Или иди обратно. И сразу, чтобы глупых мыслей не было – тут в деревне четыреста человек, и все вооружены. Предыдущих умников, которые пытались на нас наехать, мы повесили на фонарях сушиться.

– Хорошо, – удивляясь своей наивности, кивнул Младший и протянул винтовку, вытащив обойму из магазина. – Можете быть спокойны.

Пистолет оставил под свитером. Обыскивать его доктор не стал.

– Тебе повезло, что мы капканы не поставили. Хотели было... Но в лесу ещё – куда ни шло. А тут покалечатся собаки... или дети. А защита никакая, если пойдут больше одного человека. Только обозлить. А от одного какая опасность? Да и не ходят к нам теперь отморозки, боятся. Иди за мной. Чего шатаешься?

Крупный мужик. Поборол бы Сашку, даже если бы тот был здоровым.

И внимательный. От его взгляда не ускользнуло, что малец спотыкается и кривится при ходьбе.

– Что с ногой?

– Болит. Распухла. Наступил на железяку, пока бежал. Уже несколько дней прошло. Болит всё хуже. Как бы не перелом...

– Железяку, значит... Ты бы не мог наступить на ногу, если бы сломал. Не похож ты на того, кто будет идти с переломом. Максимум, трещина. Пошли, посмотрим.

И тут Саша кое-что увидел. На столбе в начале переулка красовалась прибитая здоровенными гвоздями доска. Большими буквами на ней было аккуратно выведено:

«Под защитой Орды».

И знакомая эмблема с орлом, щитом, стрелами и калашом в середине. Насмотрелся Саша на них в Сибири. И на их значках это же изображение было. Вряд ли где-то имелась ещё одна Орда. Маленькие орды варваров-разбойников существовали, а такая – всего одна. Саша вздрогнул, но тут же вспомнил, что на лбу у него не написано, что он – враг «Сахалинского Чрезвычайного Правительства». Хорошо, что доктор смотрел в этот момент в другую сторону, на дом, куда явно хотел побыстрее добраться. Ему, кстати, да и его семье, тоже сегодня повезло. Ведь на месте Младшего вполне мог оказаться какой-нибудь неадекват, которому было бы плевать и на Орду, и на любую местную самооборону. А деревенские явно расслабились...

– Ну, заходи, если не шутишь. Меня Борис Андреич зовут. Пустовойтов моя фамилия. По происхождению то ли литовская, то ли белорусская, но сам я, кроме русских, других предков не знаю. Так где точно находилась твоя деревня, мальчик?

– В ста километрах к востоку от облцентра. От Кургана, – ответил Сашка. – Населили после войны пустую деревню, названия не у кого было узнать... Так и назвали – Безымьяная.

Мужик посмотрел с насмешливым удивлением. Звучало действительно странновато. Хотя Саша знал пару таких деревень в Сибири.

Доктор провел Сашу во двор. Спокойно шёл впереди, не боясь поворачиваться спиной. Саше интуиция тоже подсказывала, что, хоть и с оглядкой, но можно довериться хозяину.

Дом одноэтажный, но немаленький. Сравнивая его с домом в Прокопе, в котором вырос, Младший подумал, что у этого площадь побольше, если считать пристройку. Комнат пять или шесть, и это только жилых. Хотя он считал и дом отца немаленьким.

Дым из трубы красноречиво говорил, что печь топится. Тепло ему сейчас необходимо. Сашка хоть и держался на ногах, но был не просто слаб, а еле жив. Очень кстати пусть даже оплаченное гостеприимство, чтобы отлежаться.

На фасаде, обшитом пластиком, виднелся аккуратно прикрученный номерок «17» из меди и табличка с названием улицы: «Берёзовая».

Женщина лет двадцати пяти выглянула из дома. Ружьё, похожее на «вертикалку», она не направляла прямо на Сашку, но вид у неё был более напряжённый, чем у мужа. Соломенные волосы, худое, слегка измождённое бледноватое лицо. Простое домашнее платье, какие обычно женщины шьют сами, перешивая старые вещи. Поверх него она накинула куртку. Врач помахал ей, и жена (вряд ли дочь) скрылась в доме, плотно закрыв дверь.

– Ну ладно, потом расскажешь подробнее. А не хочешь – не говори. Тебя кто-нибудь из наших встретил по пути?

– Вроде нет. Я шёл от заправки. Ваш дом первый, куда сунулся.

– Понятно. У нас тут тихо, но чужакам не доверяют. Особенно которые издалека. Но раз уж ты служишь нашим защитникам... – ему показалось, что врач сдерживает улыбку. – Погоди, дай проверю тебя.

Андреич поднёс к нему маленький приборчик с табло, похожий на калькулятор, провёл вдоль открытой кожи на расстоянии сантиметров пяти вверх-вниз. Младший понял, что это счётчик. Интересно, как он заряжается?

В детстве, когда с пацанами бегали у гигантских ям Провала, они звали эти штуки «счётчик Гитлера». Играли с неработающим старьём, изображая «сталкеров».

Но этот дозиметр (или как их там?) был исправен, хотя тоже выглядел как древность. Почти все исправные радиометры (вроде бы это слово точнее!) в Прокопе и Киселёвке – а их было всего несколько штук – выглядели ещё более старыми, громоздкими, размером с коробку. Только в Заринске имелись и более новые. Но в Кузбассе и на Алтае радиоактивных полей нет, так что толку от них ноль.

Счётчик не пищал, не издавал никаких звуков. Но на табло высветились цифры. Младший их не видел. А Пустовойтов присвистнул.

– Иди мойся! – и указал на приземистую деревянную постройку во дворе под железной крышей и с двумя трубами. – Баня остыла, но ты не принц, обойдёшься. Вода ещё тёплая. Потом посмотрю тебя. Еда у тебя, надеюсь, есть, потому что мы на тебя не рассчитывали. Могу дать картошки, сварить. Но сначала – мыться. Такого грязного в дом не пущу.

– Да вроде грязи на мне нет, – попытался возразить Младший. – Я тряпками и полотенцем обтирался.

– А воду где брал? Из речек? Из колодцев? Снег топил? Балда. В Поясе воду вообще не пьют. Грязь невидима. От тебя фон есть. Небольшой, но его вообще быть не должно. Значит, гадость на тебе осела. В порах кожи, в самом организме остались изотопы. Одежду верхнюю

сними, во дворе пока оставь, на верёвке. Постираешь потом, ведро дам, воду поднимешь из колодца. Только не брызгай туда водой с рук. Двадцать минут тебе сейчас на всё. Я там положу кое-что из моих шмоток. Всю свою одежду – даже если это сменка из рюкзака – кинь в большой короб, который стоит в предбаннике, и выставь на улицу.

Минут через пятнадцать Младший зашел в большую докторову избу уже в чистом. Из его собственных вещей на нем были только трусы, остальное он получил от щедрот хозяина. Это были безразмерные штаны, явно самого Андреича (парень стянул их на поясе верёвочкой), клетчатая рубашка, которая пришлась впору, шерстяная кофта с растянутым воротником. Кроме этого – вязаные носки и тапки на толстой резиновой подошве. Кофта вполне могла быть и докторская, севшая от стирки, но рубашка, скорее, его сына.

Пистолет Младший спрятал в предбаннике в углу, где одна из планок обшивки стены слегка отходила.

– Имей в виду, это на время, – такими словами Пустовойтов встретил его, – Потом отдашь. А теперь давай смотреть, скоро ты копыта откинешь или ещё поживёшь.

Прошли через большие сени и коридор. Тут врач надел поверх всего, что было на нём, халат, давно не белый, а серый и застиранный, и медицинскую маску. Они зашли в специальную комнату в пристройке. Белый потолок, кафель на стенах, на полу – потертый линолеум. Стол и больничная кушетка. Тепло шло от стен. И если другие помещения были полутёмные, то тут доктор зажёл несколько светильников.

Андреич взял стетоскоп, раскрыл зелёную школьную тетрадку. Младший увидел, что на стеллажах стоит множество, может – несколько сотен таких тетрадок. Некоторые выглядели древними, их корешки были потёрты, проклеены или прошиты нитками. Но эта была чистая, новая, со слегка пожелтевшими листьями.

Видимо, доктор любил свою работу. И давно уже лечил людей. А может, тут начинал ещё его предшественник.

– Ну, на что жалуетесь, больной?

И Младший начал рассказывать и показывать, словно на обычном приёме у врача в поликлинике, в прежние времена, о чём иногда вспоминали старушки с ностальгией.

Сначала врач осмотрел его ступню. Заключение, что это не перелом и не вывих, а растяжение. Пошутил про рентген: мол, жаль, что с помощью облучения радиационным фоном нельзя снимки делать. Дал какую-то мазь и показал, как пользоваться, велел какое-то время ногу побережь.

А потом, взглянув на Сашу, доверительным тоном выдал:

– Хотя, возможно, мы зря стараемся. Вдруг нога-то тебе и не понадобится. Рубашку сымай. Посмотрим, сколько тебе осталось.

Саша сунул под мышку градусник, и вскоре оказалось, что температура у него слегка повышенная. То есть «субфебрильная». Поэтому его и знобило.

Потом ему измерили давление и пульс. Цифры Младшему ничего не сказали, но все они были записаны в тетрадку. Ощущение, когда манжета тонометра сдавливала вены, было неприятным.

Доктор внимательно рассматривал два нарыва на лице, которые парень считал обычными прыщами. Заглядывал в глаза, светя налобным фонариком. Заставил встать на весы. Попросил открыть рот и осмотрел язык. Даже заставил буквы на таблице, как у окулиста, читать. И опросил, ничего не упуская. Спрашивал, когда появились первые позывы к рвоте. Когда впервые заболела голова и появилась слабость.

Александр сам с трудом вспомнил. Он-то думал, что это от усталости.

Потом, что-то быстро записав в тетрадку корявым почерком, эскулап вынес свой вердикт.

– Тебе повезло. Скорее, всё-таки лёгкая степень. Была бы доза выше, у тебя бы уже со зрением были большие проблемы. И загар, будто на юге побывал. А у тебя – всего лишь нездоровый румянец. Потом пошли бы язвы по всему телу, непрекращающийся понос... с кровью. И в итоге ты бы лапы склеил.

Младший знал такой фразеологизм. В детстве он думал, что, умирая, тюлени или другие ластоногие сцепляют конечности в подобии молитвы, так что те склеиваются от слизи, поэтому охотники, мол, и придумали такое выражение.

– Но анемия у тебя есть, – продолжал доктор. – Поэтому ситуация не совсем простая. Видишь ли, если доза очень высокая... человек недолго мучается. Относительно. Там сразу всё ясно. Но когда доза меньше, несколько Грэй... может показаться, что пациент на поправку пошёл. Потошнило, потом отпустило. Он идёт себе, радуется. А все самые гадкие последствия проявятся с задержкой. Если костный мозг разрушен, иммунитет убит, клетки кишечника отслаиваются... человек это не сразу замечает, система пойдёт вразнос только через несколько дней, когда, грубо говоря, резервы истощатся. Я не могу определить, период восстановления у тебя... или та самая стадия мнимого благополучия. Которую мой учитель «фазой ходячего трупа» называл. Поэтому сейчас тебе нужен, прежде всего, покой, хорошее питание и наблюдение. Недели на две. Ты же не вчера облучился. И не за один приём. На тебя это могло дней десять-двадцать действовать. Эффект накапливался, организм подтачивался. Больше облучаться тебе нельзя, ясен пень. В ближайшие год-два. Ты читал о радиации?

– Нет, – соврал Саша. – Только немного слышал.

Сам Андреич, похоже, не боялся облучения, раз не шарахался от него, только что пришедшего из «зоны», хоть и после помывки. А что поселил гостя отдельно от семьи – это как раз понятно. Спасибо и за то, что пустил. Всё-таки чужой человек, и не ребёнок – здоровый парень.

– Радиация – это какая-то отравка в воздухе, да?

– Ты с луны? – хохотнул врач. – Я не физик, но это с атомами связано. Даже здесь у нас жить не полезно, а вокруг Озёрска почвы до сих пор выделяют всякую дрянь. Могильник там был. Ну, как кладбище. Только хоронили там не людей, а отходы. То ли сразу, то ли через пару лет после Войны, он взорвался или его взорвали.

– Я надеялся... думал, если пойду быстро, она меня не тронет. Радиация то есть.

– Ага. Не догонит, – уже без смеха произнёс врач, видимо, такое он слышал часто, – Ну ты даёшь, брат. Она почти со скоростью света летает. Книжки хоть бы почитал, вроде не дурак. Читать-то, поди, умеешь?

– Ну да, немного.

Данилов про себя усмехнулся. Всё, что он делал, было продумано.

Надо казаться проще и глупее. На самом деле, Саша действительно слегка надеялся, что его защитит при пересечении Пояса то, что почва скрыта под толщей снега. И то, что он пройдёт зону, которая помечена как «особо опасная», за неделю. Но зона оказалась больше. А предпринятых им мер, как и плаща с масками, не хватило. Хотя без них он, скорее всего, так легко не отделался бы.

Почему-то он не сомневался, что поправится.

– Короче, радиация – очень скверная штука. А остальное в книжках прочитай. Я тебе вот что скажу: зачем ты вообще сюда поёрся? Даже когда вылечишься, последствия могут остаться. Хочешь от рака умереть в тридцать? Я тебе фото покажу, из архива патологий. У тебя семьи ещё нет своей, как я понимаю. Хотя у нас обычно уже в таких годах женятся. Уродов заспиртованных не держу, но рождались в селе такие, которых страшно было б даже в банке держать, – тут взгляд доктора помрачнел. – Или хочешь, чтобы детей вообще не было?

«Да мне как-то на детей пока до лампочки, я так далеко вперёд не загадываю», – подумал Сашка, но смолчал.

Врач сделал ещё несколько пометок. Только сейчас Данилов понял, что обложка доверенная, а вот страницы тетрадки сделаны из какого-то вторсырья. Видно было даже отдельные фракции, кусочки. Похоже, какая-то машина перерабатывала старье.

– Токсемия тоже у тебя есть, – произнёс доктор ещё одно незнакомое слово, – Глаза нормальные, радиационный капиллярит не вижу, ожогов и некроза тоже. Теперь самое опасное – это инфекционные осложнения. Иммуитет падает от этой дряни, почти как раньше от СПИДа, который, слава богу, вымер... вместе с носителями. Поэтому хотя бы неделю лучше избегать сильных нагрузок. Постельный режим не нужен, но и тащиться куда-то пешком в мороз... это верный капут. Тебе бы в санаторий.

От этой шутки Андреич сам усмехнулся. Но у Младшего ассоциации с санаториями были только плохие, и он с трудом сдержал лицо, чтобы этого не выдать.

– Но если не повезёт, я тебе особо помочь не смогу. Даже переливание крови не сделаю. А уж про пересадку костного мозга и говорить нечего. Мы в таких случаях заявляем: «Бог дал – бог взял». Лаборатории у меня нет, поэтому и приходится гадать на кофейной гуще. Но обычно я не ошибаюсь. Будешь следовать моим советам – выживешь. Поживёшь пока у меня.

Саша кивнул.

– Повторюсь. Лазаретов у нас нет, поэтому госпитализацию порекомендовать не могу, – продолжал доктор. – Избегай нагрузок, отдыхай и следи за динамикой. Водка – не поможет. Разве что стресс снять...

– А йод? – вспомнил Саша. – Йод принимать надо?

– Нет. Только если ты контактируешь с изотопом Йод-131. Но вроде бы он быстро распадается. Поэтому ты его встретишь, только если повезёт найти работающий реактор, или тебя затронет недавний выброс какого-нибудь могильника. Свежего, не как в Поясе Озёрска. Тогда принимать пятипроцентный раствор йода по три-пять капель на стакан молока или воды. Риск, конечно, мизерный, но йода у меня много, я тебе с собой бесплатно дам. Пригодится для иммунитета.

– Спасибо...

– Не перебивай. Йод – ерунда. В общем, ещё назначаю тебе витамины. Могу продать баночку. Нет, они не довоенные. Купил у ордынцев. У них есть аппарат, синтезирует. Но важнее разнообразно питаться. Хотя это и тяжело выполнить. Овощи, мясо, жиры... Антибиотики тебе пока не нужны. Начнётся, не дай бог, простуда с осложнениями – тогда посмотрим. У меня есть и антибиотики. Тетрациклин и пенициллин. Но за отдельную плату. Мне надо о своих односельчанах думать. Ну ладно, осмотр окончен, иди отдыхай, завтра утром увидимся. Печку, надеюсь, сам затопить сумеешь. Дрова бери, не стесняйся. Мне их много приносят.

– Спасибо.

– Ну, понятное дело, не даром поживёшь.

– Ясно. А вы откуда всё знаете? Я имею в виду, термины. Разве сейчас ещё где-то на врачей учат? – любопытство даже в таком состоянии не оставило Александра.

Почему-то ему казалось, что всё за пределами Сибирской Державы – это дичь дикая. И он был опозорен – обычный сельский врач с Урала оказался таким толковым и столько знающим.

– Может, и учат, но я академиев не кончал, – ответил Андреич. – У меня наставник был путёвый, наш прежний костоправ, Игорь Михалыч. Царствие ему небесное... Когда стал совсем стар, пошёл за дровами, и волки задрали. Причём одному из них Михалыч успел скальпелем горло проткнуть. Он в молодости, как ты, бродил. И выучился у мужика откуда-то из-под Белорецка. Про того говорили, что он был врачом в бункере, в Ямантау. Правительство лечил. Не знаю, может, враки. Но вот так все медики – передают друг другу крупички. Как братство Красного креста. Свидетели Гиппократы, ха-ха.

Вся эта информация ничего Саше не давала. Он надеялся, что поселение поддерживает контакты с более цивилизованными местами. Одиночные путешествия не в счёт. Ему нужен был транспорт. Морозы крепчали, и переход ему дорого стоил. Второй такой может убить.

– А что-то типа караванов у вас ходит? – проверил он свою догадку.

– На восток – нет. Там Пояс, сам знаешь. А вот западнее нас есть маршруты – да, но до нашей дыры не добираются. И наши никуда не ездят. Нам нечего продавать. И что там, на западе, тоже не очень знаем. Изредка приходят странники, и всё. Ордынцы тоже ничего не рассказывали.

– А Москва ещё есть? – непонятно к чему спросил Саша.

– Понятия не имею. Вряд ли. Да и насрать мне, если честно... Может, и разбомбили ее русофобы чёртовы. Я не говорю, что я великий эксперт. Но кое-как лямку тащу. Людям помогаю. А они мне с голоду сдохнуть не дают. Сам видишь, охотник, рыболов или пахарь из меня так себе.

Доктор показал на свою ногу. Дома он обходился без костыля, хотя у стены стояла палка, похожая на трость. Но не объяснил, была ли это травма или последствия болезни.

– Так куда же ты шёл, Санька? – повторил свой вопрос Андреич. – В поисках лучшей жизни? Я раньше карты чертил, замеры делал. Разная почва по-разному впитывает. От времени года зависит, от ветра... Но потом понял, что лучше вообще на восток не ходить. И местные не ходят. Никто. Защита твоя – накидка, маска – фигня! Даже сейчас, когда бязи в разы меньше, всё равно с дождями приносит. Прячемся. А двадцать лет назад жизни не было от ливней. Половина урожая падала. Полураспад, мать его. Чего искал-то?

Ответ на этот вопрос Младший уже обдумал.

– Как все родные умерли, с соседями поругался. Хотели у меня огород отобрать. Сжечь пытались вместе с домом. Слышал, что где-то есть большие города, целые государства поднимаются... думал новую жизнь начать. Потому и записался в силы СЧП, – он чуть не забыл свою легенду.

– Понятно. Ну ты даёшь. «Лучшую жизнь», считай, почти нашёл. Но только такую, о которой попы говорят. Нету больших городов ближе Нового Ёбурга и Уфы. А это много сотен километров. И туда я идти не советую. Назад в свой Курган через мёртвые поля – тоже не вариант. Ни сейчас, ни потом. Своих ты уже не догонишь. Поэтому ищи, где жить. Хотя... рады тебе не будут. Если ты и в своей деревне не прижился... Дурная голова ногам покоя не даёт. Здесь у нас ты не останешься. Поправишься и двигай дальше на закат. Тут ещё деревни есть. А не найдёшь – занимай пустую и живи, сколько хочешь. Бери, – мужик указал на лежащий на полу старый матрас. – Извини, что жёстко.

– Да я привык, – в общем-то не соврал Младший. – Моя жизнь вообще жёсткая штука.

– Это тебе кажется, что привык. Я бы не сказал, что ты выглядишь подготовленным.

Он проводил Сашу в баню. Предбанник был достаточно большой.

– Ну ладно, мне пора, – доктор глянул на наручные часы, потёртые, но явно ценные, – Извини, надо ставить дочкам уколы. Отдыхай. Пока, до завтра. Ещё поговорим.

В дверях Пустовойтов вдруг остановился.

– А всё-таки, – произнёс доктор. – Начистоту. Я понял, что ты не ордынец, парень. Значок-то настоящий. Их не подделать. Но просто по лицу вижу – врёшь. У них, конечно, есть парни твоего возраста. Но ты – не из них.

– Извините, – Саше ничего не оставалось, кроме как признаться. – Да, соврал. Ни в какие ордынцы я не записывался. С группой старателей шёл. Действительно из-под Кургана. В руинах мародёрili. А потом заболел, и меня бросили на хрен.

И опять не совсем враньё, а полуправда. Похоже, в эту историю врач поверил чуть больше. Хотя по его лицу было непонятно.

– Вы что, на голову больные? Кто же отправляется в путь перед зимой? Самоубийцы. Что вообще ваша экспедиция делала?

– Да какая экспедиция? – Данилов понимал, что надо быть очень осторожным, подбирая слова. – Пять человек всего. Ценности искали, и всё. Жить-то надо.

– Ну-ну. И какие ценности нашли? Молчишь? Ну, не хочешь делиться, как хочешь.

– Я правду говорю. Обычные землепроходцы, – слово из учебника всплыло в памяти. – Но мы переоценили силы. А дальше – всё правда. Заболел, бросили. Заблудился. Нашёл место какой-то битвы. С покойника снял значок, «корочки» забрал. И винтарь унёс. А про ордынцев соврал, потому что испугался. Все их уважают, хотел, чтобы ко мне лучше отнеслись. Ничего плохого не хотел.

Младший сделал такое лицо, что не поверить ему было трудно. Как у кота из мультика про Шрека. Хотя и было противно и стыдно.

– Вот-вот. Зачем соврал, понимаю. Не виню. Понимаю, почему ты себя за ихнего выдаёшь. Они – хорошие люди. Я тоже вначале ворчал, когда они заявились... но потом поумнел. «Орда – это порядок» – такой девиз у них. Так оно и есть. Виктора только рабовладельцы и людоеды не любят. Потому что он им жизни не даёт. Но врать ты не умеешь. Мне нет разницы, чей ты. Но хорошо, что ты нашим на глаза не попался. А то вечером навестила бы мой двор компания с топорами и обрезами. Чтобы узнать, кто ты. Я про тебя пока рассказывать не буду, а ты не суйся никуда со двора. И к забору не подходи, где решётка. Только в сортир, и всё. Ничего, отлежишься, считаешь. Тут в тумбочке журналы старые есть... Человек без подготовки редко столько проходит зимой. Поход должен был убить тебя вернее, чем радиация. Повезло, что зима не очень лютая.

– Когда было совсем холодно, я прятался и отдыхал. Зато потом пытался наверстать.

– Сумасшедший. Какая необходимость так гнать?

– Сам не знаю, – произнёс Саша. – Не знаю сам... Вы говорили про людоедов. Они тут есть?

– Тех, кто только этим живёт... нет. Человек, конечно – лёгкая добыча. Даже по сравнению с зайцем, в которого попробуй попади. Но люди почти никогда не живут по одному. Самый тупой бандит это понимает. И людоедство всё-таки не в почёте. От него болезни всякие. Прионные. Мозг разлагается. Об этом и дикари знают. Поэтому там, где можно добыть зайца или выловить карася, людей едят только в крайнем случае. Ради хороших шмоток могут напасть, да. Но какая разница, съедят тебя или нет, если топором дадут по башке? Ладно, я тебе по чесноку скажу. Мы сами табличку про Орду повесили. Как и соседи с запада, из Сатки. Ты их не видел, когда шёл?

– Вроде видел. Наверное, это они за мной гнались. Чуть не поймали.

– Они сукины дети, раньше мы им дань платили. Хозяин Сатки – Семён Максимыч, жил на острове в парке развлечений «Манькина лагуна», у него там типа крепость была. Он – потомок тех, кто в том городе правил. Присоединился к Орде, да и сгинул. Но сынки остались. Там молодёжь гопничает, шалят на дороге. Говорят, охотятся на тех, у кого мутации, чистят природу то есть. Хрен там. На самом деле – ловят любых чужаков. Наших не трогают. Они не каннибалы. Мяса не едят, только вещи ценные берут.

– Вегетарианцы, что ли? – удивлённо перебил Саша.

– Да нет, – усмехнулся доктор. – Человеческого. Обычно не убивают, только избивают и бросают на дороге. А там уже холод, звери, голод... Типа они ни при чём... Мы с ними торгуем раз в месяц. Хотя и гады, но соседи. У них табличка с ошибками: «Под защитой Арды», хе-хе. А я грамотный, нормально сделал.

– Почему «сахалинцы» не захотели взять их и вас реально под защиту?

– Ты не подумай, мы ничем их не огорчили. Но когда они ехали на восток, то сказали, что какое-то важное дело в Сибири ждёт. Не до нас было. А когда обратно ехали, то даже не

останавливались. Мы машины узнали. Прошло несколько колонн, и торопились ещё сильнее. Какая-то у них, наверное, беда случилась... Жаль! Надеюсь, о нас ещё вспомнят.

Данилов молчал. Лицо его было каменным. Он с трудом сдержался, чтобы ни словом, ни мимикой не выдать то, что сейчас испытывал.

Вспомнилось то, о чём не хотелось вспоминать. Та сцена в санатории... То, как ездил один на могилу отца.

Ненависть заполнила место в душе, где раньше были любовь, доверие, привязанность. И это заставляло его сомневаться, что совсем недавно он был способен чувствовать теплоту и кому-то её отдавать. Сейчас хотелось только добраться до того, кто звался Уполномоченным, прострелить ему голову, перед этим увидев в его глазах животный страх. А лучше зарезать собственными руками или придушить.

Но для этого сначала надо вылечиться.

Он полистал пожелтевшие газеты и поблёкшие журналы с потрескавшимися страницами. Спорт, жизнь звёзд, советы психолога... Доктор не сказал, можно ли использовать их на рас-топку, но Саша решил, что нескольких тот не хватит.

Принёс с улицы дров, затопил печку. В предбаннике имелась небольшая печурка, а значит, кочегарить более крупную печь в банном отделении не обязательно, пока он не соберётся попариться.

Вскоре деревяшки уже потрескивали. Похоже, тут топили не углём, а одними дровами. Меньше тепла, и придётся чаще подкладывать. Зато не надо так шурудить кочергой и мучиться со штыбкой.

Дров во дворе под навесом сложено много. А в сарае, закрытом на замок, – наверное, ещё больше. Запасают целыми возами. Часть поленьев были хвойные, а часть – берёзовые.

Тут, на Урале, лесов на первый взгляд не меньше, чем в Сибири, хоть многие, выросшие прямо вдоль дорог лески выглядят невысокими и редкими по сравнению с коренной тайгой. А ещё здесь много брошенных деревень, дома из которых, видимо, тоже постепенно растаскивают. Одна поленица была из мелко наколотых потемневших досок. Эти должны гореть особенно хорошо.

Закончив с печкой, Сашка сел за кривоногий столик на табуретку, которая смотрелась так, будто её недавно сколотил сильно пьющий плотник. Или сам Андреич.

Подогрел на печи четверть банки тушёнки, накрошил туда побольше сухарей. Хотелось не мяса, а этих, как их... углеводов. Согрел воды для чая. Тошнота немного ослабла. Запах еды всё равно вызывал чувство голода. Тот был сильнее болезни.

Аппетит вернулся. Но есть много нельзя. Вдруг вырвет?

И действительно – стоило ему утолить голод, как снова усилилась тошнота. Но хоть рвоты больше не было, и на том спасибо.

Думать о еде стало противно, но умом Сашка понимал, что надо будет попросить у хозяина картошки (тот вроде обещал дать немного), и нормальный суп сварганить, но пока сил не было. Всё завтра.

Может, у них и какие-нибудь приправы имеются.

А ещё Саша слышал, как в одном из сараев квохчут куры. Значит, и яйца должны быть.

Лёг на матрас, застелив его какой-то накидкой. Тут же лежало разноцветное лоскутное одеяло, набитое чем-то вроде перьев. Привычный уже спальный мешок остался снаружи, чтобы дезактивироваться. Хотя для дезактивации его, наверное, надо полноценно стирать, а не проветривать. Но сил сегодня не было. Этим, как и стиркой одежды, он займётся завтра.

Уснул почти сразу. Ему ничего не снилось.

* * *

На следующий день Младший проснулся поздно. На часах была уже половина двенадцатого. Через окошко он увидел, что доктор чистит во дворе снег большой лопатой.

Саша хотел присоединиться, но тот махнул рукой – мол, сам справлюсь. Для инвалида он действительно работал очень ловко. Но парень решил расколоть несколько поленьев и чурбаков, чтобы компенсировать тот расход колотых дров, который он устроил. Хотя ему показалось, что, когда он взял в руки топор, торчавший в колоде, хозяин слегка напрягся.

Пса во дворе всё-таки не было. На вопрос доктор ответил, что их сторожевая псина умерла недавно, ещё не успели завести новую. Это хорошо. Собак Саша уже привык опасаться.

Вскоре, закончив работу, они пошли в пристройку большого дома. И снова доктор его осматривал и спрашивал о самочувствии, делая новые записи.

После осмотра он пригласил Сашу пообедать с ними.

За столом, который был накрыт неплохой скатертью, они сидели втроем. Но супруга врача упорно гостя-пациента игнорировала и в разговоре участия не принимала, только ухаживала за мужем, даже повязала ему салфетку. На обед она подала суп, который показался Саше очень аппетитным. Хотя в его тарелке был малюсенький кусочек мяса, буквально несколько волокон, в отличие от тарелки хозяина, куда жена его щедро положила большую сахарную косточку. Просить добавки у Саши даже мысли не возникло. Но ещё была гречневая каша и чай из каких-то трав, а также соленья (но не грибы, видимо, их собирать здесь не решались) и варенье, похожее на земляничное – чуть-чуть.

Самая большая комната в доме была просторной, кроме стола в ней помещалось несколько шкафов, один из которых был книжный. В нём стояли собрания сочинений классиков (у них в Прокопе тоже были такие) и разные энциклопедии. В другом красовалась парадная посуда, сувениры, кубки и другие предметы древности, многие из которых Саша не смог опознать. И ничего, связанного с медициной. Для этого у Андреича был кабинет.

На стенах висели картины в простых рамах. Новые. Потому что на них были изображены мир, каким он стал пятьдесят лет назад. Набросанные уверенной рукой, но бегло, будто нарочито скупое. Саша так никогда бы не смог, даже если бы всю жизнь тренировался.

Взгляд его упал на фотографию парня лет восемнадцати. Коротко стриженного. В форме. С шевронами. Такую форму Младший видел у рекрутов Орды.

Видимо, и фотоаппарат в деревне имелся.

– Сын, чуть старше тебя, – тихо пояснил доктор. – Забрали «сахалинцы». Сманили. Говорили, что станет большим человеком. Что паёк будет, в офицеры выбьется, хорошую жену сможет взять, дом получит. А он погиб. Почти сразу погиб. Не знаю, как именно и кто его убил. И тела не вернули. Закопали у дороги. Типа, смертью храбрых пал. Соседский парень, который с ним завербовался, вернулся без ноги и рассказал. Матери уже в живых три года как не было. А то она бы не перенесла...

«Неужели это мы его?.. Надо за языком следить, чтобы не пропасть».

– Его убили на востоке?

– На западе. Не у вас. Вроде где-то возле Уфы. Он в гарнизоне служил, а его местные зарезали.

«Он догадывается, откуда я», – подумал Сашка. – Может, даже понял, что из Сибири, а не из Курганской области».

– А даже если бы и у вас, – произнес вдруг доктор ещё тише, – Я-то понимаю, что ты ни при чём. Вот жена моя прошлая... Катерина... та бы глотку тебе перерезала. Но нет её уже... Рак. Сколько ни берег я её, не давал в дождь выходить, предупреждал, а сгорела за две недели. Это называется лимфома. Хотя она была моложе меня. А мне хоть бы что. Как-то скриплю.

– Соболезную.

– Вот спасибо, – в голосе Андреича прозвучал сарказм. – Сочувствие бродяги... самая ценная вещь в этом долбучем мире.

– У вас же есть ещё дети? – задал вертевшийся в голове вопрос Сашка.

– Две девочки. Они в своей комнате.

– Сколько им?

– Девять... и девять.

Саша не очень разбирался в человеческих эмоциях. Но ему показалось, что доктор хочет побыстрее сменить тему. А лицо его супруги и вовсе исказила гримаса.

– Боренька, может, не надо об этом? – прервала она своё молчание.

– Сам знаю. Ой... Света, сходи, проверь, не забыл ли я курятник закрыть. Совсем маразм крепчает. А лисы обнаглели, могут пролезть. И кот Николаича может заглянуть. Проверь щеколду. И заодно глянь, не снеслась ли рябая. Корму им добавь. И воды подлей.

– Да... Боренька, – проходя мимо, она погладила супруга по лысине.

Она была гораздо моложе его, но не выглядела пугливой и забитой. Да и доктор, несмотря на напускную суровость и попытки изображать патриарха, не казался Сашке тираном. Понятно, почему он посылает её, а не идёт сам. Для него лишний раз вставать со стула, подниматься и идти за порог – тот ещё квест. Эх, надо было всё-таки помочь ему со снегом.

Дело выглядело пустячным, но Саше показалось, что Пустовойтов хочет просто отправить молодую жену на время во двор.

– Пусть пройдет, воздухом подышит, – подтвердил тот догадку, когда Светлана закрыла за собой дверь. – Ей полезно. От мыслей отвлечётся.

Саша только сейчас заметил, что докторша (а как ещё звать жену доктора? Не докторкой же?), в положении. Видимо, поэтому тяжёлый физический труд тот все-таки оставлял себе.

– Жену взял другую не потому, что работница нужна, а сироту одинокую, тоже вдовую. Вдвоём-то легче. Жизнь в деревне тяжёлая. Света умница, хоть Катю мне и не заменит. Но стараюсь клеить жизнь заново. Здоровье не очень... но лет десять ещё должен протянуть.

– А что вы ещё знаете про Орду? Как к ней относитесь? – набрался смелости и спросил Сашка. Дёрнул же чёрт.

– Нейтрально. Политика... она в любую эпоху – грязное дело. Стараюсь соблюдать нейтралитет. Знаешь, что значит это слово?

Младший кивнул. Он знал это слово, но не ожидал услышать его здесь.

– Ни вашим, ни нашим, – произнес он.

«Трусость, – подумал про себя. – Вот что оно означает. Может, когда-нибудь я повзрослею и пойму, что иначе жить нельзя. Но уважать себя тогда не буду».

А доктор кратко рассказал ему о визите ордынцев.

– Сначала напугали всех до спонтанной дефекации. То есть до усрачки. Столько людей, да еще на машинах... Автомобилей мы лет десять не видели. Выглядели сурово, конечно, но никого не убили. Только прежнего старосту, Коромыслова Ефима Петровича, прибили. К забору, здоровенными гвоздями. Потому что нахамил им сдуру. Мы его, конечно, потом сняли, когда ордынцы уехали, но он всё равно помер. Никто о нём не плакал, он был жулик и мироед. Назначили нового, Юнусова. Тот хоть и бусурманин, но мужик честный. Гвозди он им подносил.

– Сказать по правде, ордынцы нас окрылили, – продолжал врач. – Вот, смотри. Жили мы заброшенные, на краю. И тут пришли они. На машинах, с автоматами, в камуфляже. Как призраки из прошлого. Мы сначала напугались, а потом увидели, что не убивают, как обычные бандиты, а даже порядок какой-то наводят... Староста и его подручные многих достали. Потом гости уехали, но оставили буклеты свои. С законами. А мы как-то воспрянули, спины

разогнули, стали в будущее смелее смотреть. Нам веру дали. Почувствовали мы себя частью чего-то.

«Частью чего? – хотел возразить Саша. – Вам пообещали с три короба, а вы уши развешили. Не факт, что о вас вообще вспомнят. Материк большой. Здесь ничего интересного для них нет. Ждите, пока краб на горе свистнет. А даже если снова придут, то опять проездом. Хотя, может, во второй раз все-таки пограбят. Но кто я такой, чтобы отнимать у вас мечту? Живите, как хотите».

Но нет... Если бы не такие как доктор, то «сахалинцы» никогда... не смогли бы творить то, что они творили. Злость снова накрыла Младшего, сжались и кулаки, и зубы. В зеркале, висящем на стене, он увидел, как окаменело его лицо. Но врач совсем не знал его и не сумел считать Сашины эмоции. Подумал, что это боль, горе, может, парень вспомнил что-то, да что угодно... Но никак не бешенство, которое с трудом удерживается внутри.

Младший вспомнил приступы ярости бабушки Алисы. Однажды она кинула в деда тяжёлой деревянной шкатулкой, когда тот, не подумавши, сказал что-то ей неприятное. Дед чудом увернулся, шкатулка разбилась. А бабушка успокоилась, и они, как ни в чём не бывало, сели ужинать. Саша увидел это случайно, для его глаз зрелище не предназначалось.

«Держи себя в руках, – говаривал ему с детства дедушка, когда он сильно шалил. – У тебя наследственность. Впрочем, методы воспитания сейчас другие. В моё время дети росли несносными, потому что им многое позволялось. Но тогда мир был другой. Можно было ребёнком оставаться хоть до седых волос. Сейчас не так. У твоего отца не забалуешь. И это не потому, что он злой. Просто нет возможности вырасти до тридцати лет... ты нам нужен взрослым в восемнадцать. Самое позднее. Ты – мужчина, работник, воин. И наследник, пусть не звания вождя, потому что оно так не передаётся, но нашего рода. У тебя будет своя семья, за которую ты будешь отвечать. Поэтому играй, но не дури. В наше время был такой диагноз – СДВГ, сейчас это называется дурь и расхлябанность».

И действительно. Если дед еще позволял себе либеральничать, то Андрей Александрович Данилов, начальник Прокопы, старался держать детей в строгости. Иногда отец включал Младшему ролики с дедова компьютера, где дородный бородатый священник рассказывал о том, как должны себя вести женщины и дети. Потом компьютер сломался, и на этом курс проповедей закончился. Как и фильмы, кстати, которые Сашка смотрел охотнее. Живого такого батюшки у них в Прокопе не было. А у отца было мало времени на нотации и разговоры, да и не любил он этого. Зато многому учил своим примером.

Постепенно самоконтроль и внутренне чувство стыда для Сашки начало значить больше, чем контроль со стороны. Он понял, что должен следить за собой сам, не дожидаясь окриков. И годам к девяти от этих вспышек злости практически не осталось следа. Нет, он не стал заторможенным, и по-прежнему в мелких конфликтах с мальчишками ему иногда срывало крышу. Но без истеричности, которая, как он понял, «мужчину не украшает». А дома с родителями и вовсе вёл себя иначе. Вежливо, сдержанно.

А теперь ему стало не по себе. Некстати вспомнилось, как изрубил ордынца, словно мясную тушу.

Это не должно повториться. Убивать, если придётся... это одно. А зверем становиться нельзя. А то недалеко до тех же убывов.

Саша сделал несколько глубоких вдохов, кровь перестала стучать в ушах.

«Не стать чудовищем... Да только чудовища живут и побеждают. Но умные. Которые умеют держать себя в руках. Дозирующие свою злость, отмеряющие её ровно столько, сколько нужно. А те, которые не умеют этого делать, – бродят в засранной одежде по руинам и едят всякую дрянь».

Тут он вспомнил, что хотел задать доктору еще один вопрос. Перед глазами до сих пор стояла картина: человек, жрущий тушёнку, как дикий зверь, и почти так же выглядящий. Хотя про саму эту встречу не надо говорить.

– Борис Андреевич, вы слышали про людей, которых называют «убыры»? Что это значит?

Лицо Андреича напряглось и помрачнело.

– Ты видел хоть одного, парень? Где?

– Нет, не видал, – предпочел соврать Сашка. – Но слышал. Этим словом моего дядю, который с рождения блаженный... назвал один человек... путник.

Парень не стал рассказывать, что Гошу назвал так разбойник, пособник ордынцев, которого дядя потом задушил, как котёнка... придя в себя, когда понял, что его близким угрожает гибель. А потом снова ушёл в свой огороженный мир, где неизвестно, есть ли люди вообще.

– Дядя, говоришь? – Андреич хмыкнул. – Ну вы даете! Редко кто держит их в семьях. Это очень тяжело, да и бесполезно. Всё равно человека из них не получится. Даже если научить говорить, что мало кому удаётся.

«Бывают бездомные. А бывают бездонные. От слова “бездна”», – вспомнил Саша рассказ бабушки. Она много страшных историй знала. Что-то о том, что было Зимой. Как люди друг друга ели. Вполне нормальные, обычные люди. Просто больше нечего было есть. При этом умом повреждались именно чувствительные и мягкие. Не подонки.

– Убыр – это злой дух, упырь. На языке татар и башкир. Так на Урале называют физически сильных, но потерявших разум людей. У нас тут много рождалось детей с генетическими нарушениями, особенно лет двадцать после Войны. Тогда это слово и появилось, вернее, его вытащили из легенд и старых баек про бабаек. Да и сейчас бывает, что рождается ребёнок внешне нормальный, но мозг у него порченный. Некоторые из них в детстве ведут себя, как обычные. Но перед совершеннолетием срываются, слетают с катушек. Становятся изгоями. Это не безобидные дурачки, которые тоже бывают. Это упыри. Выродки. Людоеды. Те, кто не от мира сего, кто не принимает человеческие порядки, не хочет жить в коллективе, где все друг о друге заботятся, помогают, последнее отдают. И хорошо, что они уходят. Отщепенцам среди людей не место. Я не могу сказать точно, откуда они берутся. Тут нужны научные знания, которых и раньше-то не могло быть. На равнинах их почему-то почти нет. Айболит один говорил, что это, может, местный паразит или грибок, который живёт в определённом климате. Эндемик. Но если оно заразно, то почему поражает не всех? И это – только версия старого пьяницы. А я думаю, всё гораздо проще. Что это – поражение мозга радиацией ещё в утробе матери.

И он рассказал, как большинство этих бедняг, когда они в подростковом возрасте делались агрессивными, избивали и изгоняли в леса. Кто-то погибал в первую же зиму, но некоторые выживали. Они становились опасными тварями – скорее зверьми, а не людьми, с интеллектом и повадками хитрого медведя. Сила у них тоже медвежья. А из-за нечувствительности к боли они могут вывернуть себе ногу или руку так, как ни один нормальный человек не сможет. И ходить так месяцами, не умирая от гангрены. А могут босыми ногами по снегу ходить, без сапог. И не сдохнут, даже если нога вся почернеет. Или спрыгнуть с крыши на бетон с шестиметровой высоты. Быстрые, проворные. И все – только мужчины и только крупные. Женщин-убырок почему-то не бывает. И задохликов тоже, и стариков.

«Скорее всего, потому, что такие долго не живут», – подумал Данилов. И вспомнил шарик у встреченного им убывра. Вряд ли животное стало бы что-то такое при себе держать. Разве только обезьяна. Но обезьяны далеко не глупы.

– А как они греются зимой? – спросил Сашка. – Дядя Гоша не мог печку или костёр разжечь даже спичками, не то, что огнивом.

– Печку не растопят, а костёр худо-бедно сумеют. А те, которые не смогут, подохнут в первую же зиму. Они всегда надевают на себя кучу одежды – как капуста. И не снимают никогда. Представь себе запашок! Заскорузлые, поганые, немытые. Дай бог, чтобы ума хватило

штаны спускать, справляя нужду. В лютые холода забиваются в какую-нибудь дыру. Спят в тоннелях, подвалах, канализации. Как раньше бомжи. Находят спальный мешок или палатку. Или просто заворачиваются в несколько старых ватных одеял, а поверх накидывают какой-нибудь брезент. Иногда в снег зарываются, укрытия копают. Охотники иногда их находят.

– Кто такие бомжи? – слово было Младшему незнакомо.

– Ну, бездомные. Люди, у которых нет дома. Это теперь у многих нет настоящего дома, и тысячи людей кочуют, а раньше таких были единицы, и они считались асоциальными... слышал такое слово? Так вот. Иногда убыры засыпают прямо на голой земле, без огня. Уши у них часто отморожены, и пальцев не хватает. Обмороженные они просто отрывают, и, возможно, сжирают. У некоторых нет носов. Часто они безъязыкие и с разорванными обмороженными губами. Хотя им язык без надобности, они обычно только рычат и воют. Едят они... иногда им удаётся поймать птицу или рыбу. Волков или собак боятся – те их сами скорее сожрут. Но мелких шавок могут загнать и забить дубиной. Изредка могут напасть и на человека. Поэтому детей за околицу не отпускают. Едят и мертвечину. Но чаще... воруют. Таскают кур, запасы из погреба. Летом поле или огород могут разорить. Хуже животных. Больше испортят, чем съедят. Понятно, что их отстреливают.

– Бедные...

– Ха, – подавил смешок врач. – Обычно говорят: «Какая мерзопакость». А тебе их жаль, вишь ты. Станный. Ходи по ночам осторожно. Не все они такие, как был твой дядя. Упыри... так их зовут по-русски – дьявольски быстрые и почти не чувствуют боли, как я уже говорил. Поэтому стреляй только в голову. И только наверняка. Иначе после целой обоймы убыр может свернуть тебе шею раньше, чем умрёт от ран. Подранить его – только разозлить. Но так как они не моются и не стираются, ещё раньше, чем кулак или дубина, тебя свалит с ног их вонь.

– А семьями или группами они живут?

– Нет, к счастью, только поодиночке. Хотя охотники рассказывают байки про целые деревни убыров, будто бы те спят вповалку в заброшенных подвалах, как муравьи, греясь друг о друга. Но это фигня. Как бы они общались между собой – рычанием, что ли? Да и друг с другом они не смогут поладить из-за привычки кидаться на всё, что движется. Кидаться не только чтобы съесть, заметить. Девушек и женщин тут тоже по ночам не отпускают, да и в лес за хворостом те редко ходят по одной. Случаев давно не было, но мало ли что... Хотя, честно скажу, соседки из Сатки больше проблем доставляют. Но те всё-таки люди, почти родная кровь. А эти... В общем, наши охотятся на них, как на животных, с собаками.

Данилов вспомнил, как в пути ловил себя на странном ощущении, будто кто-то за ним наблюдает. А ещё задним числом вспомнил примерно пять еле заметных признаков присутствия людей, которые ему попадались в пути. Но жизнь научила красться как тень и доверять интуиции, и эта способность не раз ещё пригодится, как он предчувствовал.

И даже неважно, кто проходил мимо. Нормальные или нет. Может, не из соседнего городка была те четверо, которые гнались за ним на шоссе, а отсюда, из Елового моста? Приняли ли они его за убыра? Или любой чужак был для них всё равно что убыр?

Но на самый главный вопрос, волновавший Сашу, однозначного ответа так и не прозвучало... Отчего ими становятся?

– Порченные, – закончил мысль доктор, – Они как мы только снаружи. А внутри уже не люди. Нормальный человек не может в таких условиях жить. Сдохнет за неделю. Может, это новый вид хомо саспенса. Может, когда-нибудь все станут такими. Вернутся к обезьянам, с чего начали. Может, мы уже и сами такие... только пока этого не знаем. Нет, они не заразные, это факт. Бывали случаи, когда они кусали людей... и не случалось ничего, кроме воспаления. Изредка я лечу такие укусы у охотников... ну, которые чистят наши края...

Он замолчал на полуслове и прислушался. Теперь Саша тоже слышал лёгкие шаги – вроде шёл не один человек. Но было в них что-то странное.

Скрипнула дверь.

Глава 2

Двойняшки

Скрипнула дверь, в комнату вошли две девочки, плечом к плечу, тесно прижавшись друг к другу. Что-то в них было не так... И почему они так странно встали, рядышком? Стесняются? На одной была зелёная блузка и серый сарафан, на другой – синяя блузка и... тот же сарафан. Сарафан у девочек один на двоих. Широкий, с двумя лямками. Одна лямка – на плече у «синей», другая – на плече «зелёной» девочки. Сарафан не очень длинный, видны остренькие коленки.

Оу!

Данилов почувствовал желание протереть глаза или надеть очки, которых никогда не носил. Ниже плеч девочки были... одним целым! Сиамские близнецы. Саша видел такое только на картинках.

Но таращиться – невежливо.

– Здравствуйте! – поздоровалась девочка, которая стояла слева.

– *Дра-тву-те*, – неразборчиво произнесла вторая.

– Малышки, вам же говорили, нельзя заходить, когда старшие обедают, – проворчал доктор, но не очень сердито. Видно было, что он уже справился с неловкостью, возникшей при их неожиданном появлении. – Ладно, идите сюда. Не бойтесь, дядя – хороший.

Они подошли к столу.

– Я – Няша, а это – Ньюша, – представилась за двоих та, что слева.

– Вообще-то они Таня и Аня, – объяснил Андреич. – Но недавно стали так себя звать. – Няшка-двойняшка. Не знаю, откуда слово взялось, – развёл он руками. – Будто из мультика что-то. Но сам я не смотрел. У нас с самой Войны нет теликов.

Теперь Саша смог рассмотреть девочек получше. У той, что слева, в зелёной блузочке в горошек, было нормальное симпатичное лицо ребёнка лет десяти. У её сестры в синем лицо какое-то расслабленное, припухшее, с безвольной челюстью, а взгляд пустой. В руках у неё был потрепанный кривенький плюшевый зайчик. Один заячий глаз был из пуговицы, вместо второго торчал пучок ниток.

Девочка в зелёном с любопытством глядела на Сашу.

– А вы откуда приехали? А у вас есть что-нибудь вкусненькое? Хотите, мы расскажем стишок? А вы нам дадите вкусняшку? – она засыпала вопросами Сашу, который ещё не совсем пришёл в себя и не знал, куда девать взгляд. – Стишок хороший!

Не дождавшись ответа, «зелёная» начала:

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром?
Слышу ваш топот чугунный
По ещё не открытым Памирам.
На нас ордой опьянелой
Рухните с тёмных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови...

Стих был не детский. Данилов вспомнил, что это Александр Блок, дед ему читал когда-то.

И если Няша (странное сокращение от имени Татьяна) декламировала чётко, то её сестра только монотонно бубнила. Но голос «порченной» в точности следовал за интонациями здоровой «половинки».

Создавая то ли фон, то ли мелодию напева. Как будто гудел большой пчелиный рой. Когда номер был исполнен, парень вспомнил, что полагается аплодировать, и слегка похлопал в ладоши. – Нюшка, не бойся. Дядя хороший. Он не обидит, – серьёзно сказала Таня.

«Ещё бы. Я болен и еле жив. При всём желании не обижу даже котёнка», – подумал Данилов, глядя на это творение природы. Он читал о таких. Но не думал, что они могут выжить в нынешних условиях.

Парень достал из кармана леденец, который нашел в Златоусте. Слипшийся комок сахара, пролежавший пятьдесят лет в круглом аппарате на ножке, куда надо было кинуть монетку, чтобы забрать конфетку. Аппарат пылился в углу магазина неподалёку от «Сбербанка». Рядом валялся перевёрнутый терминал, с которого когда-то можно было пополнить счёт мобильного телефона. Автомат был разбит и выпотрошен, но три конфетки застряли в трубке, по которой они должны были высыпаться в лоток. Пустырник рассказывал, какие места проверять, чтобы найти древние *ништяки*. Две Саша тогда сразу съел, а одна вот... пригодилась. Ничего так. И не скажешь, что им полвека. Похоже на крупный *чупа-чуп*, только без палочки. Данилов протянул конфету ближайшей к нему девочке, Няше.

– Нет, – отказалась та принимать гостинец. – Ей тоже дайте, а то обидится.

– Дай, – действительно обиделась «вторая половина» девочки. – Дай!

Сказано это было чётко, почти нормальным голосом. Будто капризничал обычный ребёнок. Хотя Сашке почему-то вспомнилось, что по-английски это слово означает: «Умри».

– Хочет, чтоб не только сытно было, но и вкусно, – перевела её сестра.

– Пищеварение у них частично общее, – пояснил доктор. – Поэтому если наедается одна, то и вторая не голодна. Но ощущения у каждой свои, отдельные.

Действительно. О том, что конфету надо поделить, Саша и не подумал, воспринимая сестёр как одно существо. Да уж! Стыдно.

Доктор взял у Данилова леденец, попытался распилить ножом, но не смог. Антикварная сладость была твёрже камня.

– Подождите, – сказал он и вышел. Проходя мимо девочек, погладил их по головам. В ответ на ласку Няша улыбнулась отцу. Нюшино лицо осталось полусонным и ничего не выражало. Пока доктора не было, Саша лихорадочно соображал, о чём поговорить с девочками, но так ничего и не придумал. Вертелись в голове совершенно неуместные вопросы, вроде – не надоело ли им всегда ходить в обнимку, и могут ли они сидеть на обычном стуле, или им нужен специальный... В общем, всякая ерунда. К счастью, доктор вернулся довольно быстро. Он принёс чугунную ступку и пестик. Саша был знаком с этими предметами – у бабушки на полке с кухонной утварью стояли почти такие же. Доктор положил конфету в ступку и, бормоча себе под нос: – Аккуратно, спокойно, не торопись, – прицелился и тукнул по ней тяжёлым пестиком. Конфета раскололась на две почти равные половинки. Довольный Борис Андреевич протянул их дочерям, которые немедленно сунули куски в рот и начали грызть.

– Света не любит их, – тихо сказал он, повернувшись к Сашиному уху. – Боится, что у неё родится такой же. Из-за меня. Она думает, это мой дефект. Не верит, что это – лотерея... случайность. Думаю, она меня сожрёт даже из-за мелкого отклонения у дитя. Не дай бог. Она вовсе не такая тихая, как кажется. Ты понял, конечно, – одна из малюток, Нюша – блаженная. Может, раньше их сумели бы разделить. Они срослись ниже грудной клетки, скелеты у них отдельные, я прощупывал. Но есть общие сосуды, и частично пищеварительный тракт общий. Я не могу сделать рентген, но мне кажется, их спинной мозг тоже соединён какими-то перетяжками. Они воспринимают себя разными личностями, но многое им нравится одинаково. Заявляют, что могут чем-то «обмениваться». Хотя Нюша почти не говорит. Только «мама» и

«дай». А в основном – мычит. Я понимаю её через раз, а Няша говорит, что понимает всегда. Может, фантазирует, а может, и нет.

– У них общие мысли? – тихо спросил Саша.

Но девочки услышали, и Няша ответила вместо отца, вытащив леденец на время изо рта:

– Не все. Некоторые общие. Некоторые свои. Память разная. Как два кувшина, в которые воду льют. Но один дырявый. Она глупая. А я умная. А ты ещё глупее, дядь? У тебя много мыслей в голове, но все не твои. Их тоже туда налили?

– Таня!.. Санёк, не обижайся на них, дурашек.

– Ничего, – пробормотал Сашка.

– А мы знаем, к кому ты идёшь, – вдруг произнесла, глядя на него, Няша, закончив грызть леденец.

– Серьёзно? – Младший почувствовал неприятное покалывание от направленных на него глаз. Зелёных. Но не желтовато-зелёного или изумрудного оттенка, которые были у многих в его семье, а тёмного, болотного.

– Да. Только он не Упал-намоченный. Он Собиратель. Он собирает. Из частей. Зайку-мозайку. Только эта мозаика – из мяса и костей. Как мы с Нюшей. А кто в неё не входит, тем он лишнее отрубают. И нитками сшивает. Было много людей, станет один.

– Не обращай внимания, – фыркнул доктор. – Зря я им книжки читал страшные. Не помню только, чтобы читал «Франкенштейна». А про Уполномоченного и про Орду – это они наш разговор подслушали. Девочки, сколько раз я вам говорил – нельзя подслушивать! Всё, идите к себе!

– Сейчас пойдём, папочка. Мы не подслушивали. Мы просто слушали... Мы же не виноваты, что в нашей комнате всё так слышно хорошо. А читать мы и сами умеем (это уже – обращаясь к Саше). Мама научила. Настоящая мама, а не эта. Я одну страницу, а она другую.

– *Дугую*, – повторила вторая «сиамка».

– Мама не могла вас научить, она умерла.

Строгий доктор сделался перед ними мягким, как воск.

– Всё равно научила, – упрямо сказала Няша, то есть Татьяна, и повернулась к сестре, – Ну, пойдём, что ли. Книжку почитаем.

И они ушли, припрыгивая и напевая песенку Винни-Пуха – чёткие слова одной и «му-му-му» другой доносились в такт. Им не надо было даже стараться, чтобы говорить синхронно.

Данилов посмотрел на проигрыватель, стоящий в углу большой комнаты на тумбе. Ещё более старый, чем этот дом. Рядом лежала солидная стопка пластинок. Оттуда и песня.

* * *

Вскоре вернулась Светлана, чтобы убрать со стола посуду. Она уже не выглядела такой взвинченной. Похоже, прошла, и это помогло ей успокоиться. А ещё Саша ощутил от неё какой-то резкий запах. Может, духи, а может, настойка на спирту. Лекарство от нервов, от загубленной молодости. Про такое он тоже слышал.

Светлана старалась лишний раз не встречаться с ним взглядом. Доктор тоже молчал.

Но Сашка уже узнал всё, что хотел. И про убыров, и про обстановку вокруг, и про ордынцев. Когда те останавливались в Еловом мосту, то вели себя миролюбиво и спокойно. Каких-то даров не оставили, но и не обобрали до нитки. Взяли немного продуктов, как плату за защиту. Провели краткий суд. Распяли прежнего старосту и утвердили нового. Лекарства доктор на свой страх и риск купил у их полевого командира. Неофициально. С помощью «взятки». Вскрыл ему какую-то болячку, которая сильно досаждала. А их ордынский врач по кличке Айболит, который ехал в другой колонне, тоже оказался учеником того чувака из Ямантау. Или учеником его ученика. Поэтому они с доктором парой слов перекинулись.

Но всё это Сашу мало интересовало.

Главное, он узнал, что к его врагам в этой деревне относились с большим уважением. Хотя сами бойцы СЧП ничего вроде сделать толком не успели. Пообещали, что всё «реквизированное» весной вернут в двойном размере. А ещё не тронули молодых курочек-несушек, забрав одного петуха и старых кур, которых селяне и так собирались зарезать. Об этом рассказывалось, как о проявлении огромной человечности.

В общем, Младший понял, что искать здесь помощников для борьбы против Виктора глупо. И хорошо, что он смог скрыть своё отношение к завоевателю.

За мыслями о политике от его взгляда не ускользнуло и кое-что личное. Успел заметить, как изменилось лицо жены доктора, когда она увидела Нюшиного зайца, лежащего на столе, и поняла, что сюда заходили двойняшки, нарушили запрет. Может, если б не Саша, учинила бы Бореньке разборку, может, и падчериц наказала бы. Но при постороннем постеснялась.

Слово такое неприятное, словно из сказки.

Потом Светлана сказала, что пойдёт стирать, и Саша с хозяином снова остались одни.

– Мы их стараемся больше дома держать, не пускаем на улицу, – сказал Андреич, когда дверь за женой закрылась. – Не любят их в деревне. И ордынцы убили бы. Они – за чистоту крови. Говорят, люди не должны тратить силы на балласт. Я согласен. Это правильные рассуждения... но всё-таки... родная кровиночка. А то и с собой забрали бы. Это ещё хуже. Говорят, у Виктора целый зверинец. Там даже волосатый человек есть.

– Я такого видел в кино. Про звездолёты.

– Не знаю такого кина. Ты богато жил, если у тебя был работающий телевизор.

– Компьютер, – Данилов произнёс это и чуть не хлопнул с досадой себя по лбу. Чтобы иметь в детстве компьютер, надо быть сыном очень непростых родителей. Но доктор не заметил противоречия, мысли его были где-то далеко.

– Тем более. Нет, тот настоящий, лохматый. Не в костюме. Ордынцы рассказывали. Они платят за уродов патронами. Я, конечно, согласен... не должны жить порченные. Природа и сама от них избавляется; любая самка... хоть крыса, хоть волчица – сразу подьест больного в помёте. Но я не смог. У нас вот как делали со старыми и больными... Сажали на санки и отвозили подальше. А там... человек сам *доходит*, и никто не виноват. Когда девочки родились, сначала прятал, говорил всем: слабенькие. Но потом уже нельзя было скрывать, ко мне целая делегация приходила... односельчан. И уступил. Им года не было. Завернул в одеяло, вынес в сени, достал санки. Положил. Даже не проснулись. По первому снежку отвёз. Но недалеко. За километр. Хотя этого бы хватило, и морозец был крепкий. Прямо с санками оставил на заправке. Пришёл домой и понимаю, что жить и человеком себя ощущать не смогу. Хлопнул водки. И побежал обратно. Они уже проснулись, сидели на санках в том же одеяле. И ждали. Не плакали. Доверяли мне. Даже не боялись. Думали, прогулка. И я привёз их обратно. Пропади оно всё, мол. А когда соседи пришли снова, показал им ружьё. Мне бойкот объявили. Они же считали, что это проклятье на мне. Что они, у которых дети здоровые с виду, – чище. А я грешен и нечист. Потом, конечно, остыли – куда они без моих услуг денутся? Но до сих пор некоторые разговаривают через губу. Многие девочек боятся. Потому что те всё знают.

– Это как так? Мысли, что ли, читают?

– Да нет же. Так только наши неграмотные думают. Просто везде шмыгают и любят подслушивать. Их часто гонят, и взрослые, и дети постарше – кидаются чем попало, даже кнутом замахиваются. Сколько раз говорил: дома сидите, дуры. А они лезут на улицу, хотя понятно, что в общие игры их не берут. Но без улицы они зачахнут.

– Я даже представить не могу, каково это, – еле слышно произнёс Саша.

– Можешь. Любой сможет. Если он сам не бревно с глазами. Так все люди живут – кроме совсем отмороженных, с холодной кровью. Живём, срастаясь, как деревья, с теми, кто нам близок. И больно, когда кто-то из них погибает от гнили. Или его буря валит.

– Или топор лесоруба, – закончил за него Александр.
– Да, – кивнул доктор. – Именно так. А ты умный для своих лет.
– Дорого мне досталась эта мудрость.
– Не мудрый. А именно умный. Мудрости в тебе нет пока ни на копейку. И не знаю, появится ли. Для этого нужно не время. Кто-то и в старости остается немудрым. Если повезёт дожить.

Сашка хмыкнул.

– Я поправлюсь и дальше пойду. За вашу помощь... я в долгу не останусь.

– Заплатишь, как договаривались. Большого мне не надо.

Он ожидал, что доктор предложит: «Оставайся в нашей деревне», но тот вдруг сказал другое.

– Если ты поцапался с серьёзными людьми, лучше прямо сейчас уходи. Не подставляй меня.

– С чего вы взяли? Ни с кем я не поругался.

– Ой, смотри. Мы тут люди простые. Конфликтов не хотим. И правды не ищем. От правды мёртвые не оживают, – сказал доктор мрачно. – А справедливостью и свободой сыт не будешь.

Тут Младший увидел фотографию его первой жены, Екатерины. Присмотрелся и понял, что это – рисунок. Карандашный. Она нарисовала *свой автопортрет*? Или автопортрет только свой и бывает?

Ей, наверно, не было и тридцати пяти, когда она умерла. Светлые волосы, платье... ненастоящее. Из фантазий. Из прошлого. Может, даже вымышленного. Воздушное, иномирное.

«Сколько таких людей сгинуло? Не приспособленных для этого мира, но умеющих мечтать, видеть красоту... Неужели в этом есть своя логика? Зачем Создатель так придумал?».

– Говорят, что любой странный ребёнок – это проклятье небес, – услышал он голос Андреича и отвёл взгляд от портрета.

– Но что люди такого страшного сделали, если небо шлёт им одни беды? – спросил Саша.

– Я раньше неверующий был, а теперь думаю – Он есть. И лучше нас знал, что делает, когда очистил Землю. Наши предки совсем отбились от рук. Возомнили себя... богами. Гадостями всякими увлекались.

«А при чём тут мы? При чём тут твоя жена и ты... болван? Честный и образованный болван».

Саша вспомнил ещё одну вещь, о которой хотел спросить. Про это он слышал от проводника.

– Говорят, ордынцы какие-то раскопки на Урале вели.

– Откуда знаешь?

– Земля слухами полнится.

– Бабы сплетни.

– А из вашей деревни не брали людей, чтобы обследовать старые убежища? Рабов не угоняли?

– Да что за чушь? Это вражьи выдумки. Не было никаких рабов. Все – добровольно. Всем, кто вернулся, честно заплатили. Ах ты... – доктор понял, что проговорился. – Ну да ладно, это уже давно не тайна, как я понимаю. Но показать на карте командные пункты не смогу, не обессудь.

– Да я и не говорю, что хочу туда пойти, – соврал Данилов, – Просто так, чтоб разговор поддержать, спросил.

– А хоть и сходи. Мне какое дело? Там нет ни хрена. Только пропадёшь. Шею сломаешь. Или облучишься ещё. Смотри, сюда больше не возвращайся тогда.

Младший молчал, глядя выжидательно.

– Ну ладно. Пару слов ещё скажу, чтоб ты туда уж точно не лез.

И, выпив рюмку, доктор рассказал, как этой осенью мобилизованные местные из соседних деревень в дырявой химзащите доставали из подземелий для ордынцев хабар. Кто-то пошёл по зову «сахалинцев» даже через горы на юг в Белорецк. Вернулась от силы половина. Добывали вещи из убежищ, несли вручную с гор, там, где размыло дороги, везли на телегах, иногда сами впрягались в них там, где не могли пройти лошади, и под конец, когда начиналась ровная дорога, – грузили новым работодателям на машины, которые те берегли куда лучше, чем рекрутов.

– И теперь там точно ничего не осталось. Ходят слухи – всё, что ордынцы не забрали, они взорвали.

«Всё равно пойду в эти бункеры и сам посмотрю. Вдруг там есть оружие. Много оружия», – подумал Сашка, но вслух не стал говорить. Понял, что это – пустая бравада. Никуда он не полезет, скорее всего.

– Ясно. Чего-то слабость накатила, – поняв, что всё это надо переварить, Данилов поднялся, допил чай и поставил кружку. – Пойду, прилягу.

– Это анемия. Ну иди, полежи. Да и мне пора по делам. Засиделись мы с тобой.

Выйдя из «господского» дома, Саша честно собирался пойти в свой «гостевой», когда услышал голоса. Они явно принадлежали не взрослым. Со стороны пустыря, тянувшегося позади ряда домов, доносился детский жизнерадостный смех.

Тут он нарушил запрет и приблизился к забору, который был здесь сплошным и высоким, выше его роста. Доски забора были плотно пригнаны друг к другу. Но одна расшаталась. И он припик глазом к щели.

Вечерело. По заснеженному пустырю бежали цепочкой дети в противогазах и с автоматами. Играли в войну. А может, совершали марш-бросок. В разнокалиберных куртках, заносенных до серости. У нескольких постарше был камуфляж, хоть и потрёпанный. Похоже, эти были главные. «Офицеры» в валенках и стоптанных сапогах. Почти все грязные, чумазы.

Мелкие были с игрушечными автоматами, грубовато сделанными из дерева и некрашеными. У одного малявки был даже гранатомёт за спиной, похоже, пластмассовый, потому что настоящий пригнул бы его к земле. А вот те, что постарше, лет двенадцати, – шеголяли с настоящими калашами. Но, наверно, холощёнными или сломанными, в которых недостает деталей. Настоящие, с патронами, вряд ли бы доверили таким соплякам, да ещё без присмотра взрослых. Хотя тут, на Урале, похоже, стреляющего железа в ещё большем изобилии, чем в Сибири.

Конечно, Младший и сам так играл, разве что у них в деревне всё попроще было, без особого порядка. И, в общем-то, тут нет ничего плохого. Надо уметь защитить свой край, и учиться этому надо с детства.

Правда, Саша вспомнил старое кино с одного из дедовских дисков *дивиди*. «Вы запрограммированы на самоуничтожение» – сказал большой железный человек, который правил когда-то одним полуостровом, как раз глядя на играющих детей. Что ж, может так и есть. Запрограммированы. Тем самым Создателем, который очень любит наказывать.

Девчонок не заметил. Да и что им тут делать? Сидят, наверное, по избам, и если не пол метут и матерям не помогают готовить или за младшими братиками ухаживать, то кукол пеленают-одевают. Так уж природа распорядилась. Отец ему так говорил. А дед почему-то, слыша эти разговоры, усмехался и бормотал себе под нос про каких-то толерастов и гендеры-шмендеры.

Сашка подумал, что хорошо, что Красновы и другие мстители сюда не добрались, иначе поубивали бы всех, особенно с оружием, не разбирая.

Территорию к западу от Кузнецово, даже бывшую Омскую область, мстители из «Йети» уже воспринимали как вражескую. Даже при том, что это была ещё не Орда. Хоть и земли «под

защитой» оной. Доктор обмолвился: земли к западу зовут словом «протектораты», но здесь этого нет. Тут земля ничейная.

Хорошо, что пацанва его, Сашку, не заметила. Потому что он не питал никаких иллюзий: если сами не изловят и не скрутят – а их много, и некоторые ростом почти с него, – то взрослым проболтаются. А другие взрослые могут оказаться совсем не такими добрыми, как доктор.

А ещё он увидел у них нашивки знакомого цвета. Сначала даже решил, что показалось. Но нет, не показалось. Поди, взяли правила этой «Зарницы» из тех самых буклетов, которые оставили «сахалинцы»? Кем-кем, а дураками СЧПшники не были, и готовили себе смену даже в нейтральных деревнях.

Вояки тем временем завершили марш-бросок, старшой куда-то отлучился, а остальные сбились в кучку, снова превратившись в толпу детей. Саша услышал считалку: «Ехали мутанты на велосипеде: один лысый, два слепых, три горбатых, пять хромых, один с хоботом как слон, самый страшный – выйди вон!».

Он подивился такому народному творчеству и всё записал.

А второй стих Младший знал и сам. Тот был и детям в Прокопе известен:

Сидел петух на лавочке,
Считал свои булабочки,
А одну не досчитал
И в Америку попал.
А в Америке война,
Пристрелили петуха...

Дальше было ещё несколько строк про Америку. Пацаны рассчитались и ушли за главным, а парень остался со своими мыслями.

Печка ещё не прогорела, и достаточно было просто подложить дров. Мыться он не собирался. Хватит и раза в неделю. Учитывая, сколько обходился без бани до этого.

Немного полистал журналы. Нашёл статьи про эволюцию звёзд, расширение Вселенной, чёрные дыры. Думал, поспит часок, но не спалось. Лежал и смотрел в потолок. В такие моменты он иногда чувствовал давящую пустоту внутри.

«Странно. С чего бы это вдруг? Ничего ведь не случилось».

Остаток дня прошёл скучно. Читал. Смотрел на двор в узкое окошко. Иногда выходил подышать, приготовил поесть, один раз сходил к доктору на вечерний осмотр. Изменений в состоянии не было.

Больше ничего в этот день не произошло.

Уже среди ночи прогулялся до туалета, возвращался неспешной походкой, глядя по сторонам и на небо, прислушиваясь к ночным звукам за забором.

И увидел, что на небольшом, аккуратно обшитом какими-то панелями сарае рядом с дровяным, нет висячего замка, хотя днём он был заперт.

Оглядевшись, Саша метнулся к двери, прислушался, и, убедившись, что с той стороны не доносится ни шороха, толкнул её и вошёл. Тут же прикрыл дверь за собой.

Было темно, но у него был маленький налобный фонарь, который давал ровно столько света, чтобы видеть очертания предметов, и чуть лучше – то, что на расстоянии протянутой руки, – но не быть заметным. Батарейка садилась, другой такой у него больше не было.

Зашёл и с трудом удержался, чтобы не чихнуть. Глаза вскоре привыкли к пыльному полумраку. Помещение оказалось небольшим. Тут стояла старая мебель, лежали железки – печные заслонки, старые колёса, трубы, вёдра. Но была в этой каморке ещё одна дверь, неприметная,

она почти сливалась со стеной, и Саша мог бы не заметить её. Но низенькая дверка была приоткрыта, словно приглашая войти, и, конечно, он не удержался.

Там оказалась комната побольше, которая не выглядела как грязный рабочий сарай. На полу даже был линолеум. При свете умирающего фонарика Саша увидел керосиновую лампу на полке рядом с дверью и зажёл её. Тут, похоже, и уборку делали регулярно. По стенам тянулись длинные полки, а некоторые предметы были подвешены к потолку.

Это было что-то среднее между музеем и хранилищем.

На полках разместились артефакты прошлого. Был даже настоящий патефон. А ещё музыкальные инструменты, книги, иконы. Сбережённое культурное наследие разных десятилетий. Но не самых последних, предвоенных.

У дальней стены – широкий стенд, похожий на иконостас. Но вместо святых ликов его украшали символы власти. Флаги, гербы, а ещё портреты деятелей в коронах и кепках, в мантиях и пиджаках, царей и правителей. Слева – очень древние, в мехах и доспехах, «правые» одеты по довоенной моде. Похоже, те, что слева, были взяты из книг и учебников, а справа – с предвыборных плакатов. Кое-кого Данилов знал.

Тут же были вырезки из газет и журналов, от древних, пожелтевших, до тех, которые хорошо сохранились. Некоторые страницы были закатаны в плёнку, поэтому время над ними власти не имело.

А в центре композиции, на почётном месте, на табурете, покрытом пыльным куском красного бархата, стояла странная штука. Младший наклонился, чтобы лучше рассмотреть. Потому что не мог поверить своим глазам.

Статуэтка размером с большую куклу. Похоже, она выточена из дерева. Какого именно, Саша не знал, но, наверное, порода ценная. Даже при слабом свете керосиновой лампы он различил фактуру материала. Потрогал – изделие было гладким, полированным.

Но статуэтка – точнее, бюст – оказалась неоконченной. Было завершено только лицо и часть шеи, а всё, что ниже, представляло собой массив дерева. Чурбак (Саша невольно вспомнил сказку про Золотой ключик). Верхняя часть вырезана очень искусно. Даже очки, лысина и воротник плаща.

Его трудно было не узнать. Младший видел захваченные у солдат СЧП запаянные в пластик маленькие портретики их лидера.

Над «троном» размещался полный набор ордынской атрибутики – значки, флажки. Там была картина под стеклом, изображавшая пулемётный грузовик с черепом на капоте, выполненная карандашом на альбомном листе. Рядом висел на леске выпиленный из дерева миниатюрный пикап с пушкой. Смотрели со стенда несколько гербовых плакатов. Заголовок на каждом гласил: «Железный Закон».

Всё это походило на предметы культа и могло внушать трепет. Особенно при хорошем освещении. Талантливой была первая жена доктора. Катя. Даже глаза Виктора смогла изобразить человеческими. Живыми, следящими, внимательными. Хотя не факт, что они такие в реальности. Младший понял: она любила эту нечисть. И взгляд завоевателя был взглядом заботливого отца.

– Хороший нейтралитет, – пробормотал Сашка. – Но ожидаемый.

Кулаки опять сжались сами собой, не обгрызал бы ногти – поранил бы ладони. Хотелось пнуть по чурбану, разрубить топором, перевернуть и сжечь тут всё, всю эту обманчивую красоту. Сдержался, хотя зубы скрипнули, а в ушах почувствовал давление клокочущей крови. Сразу вспомнилось всё, что и так не забывал.

Тише. Древние правители не виноваты. И ответят за преступления не экспонаты, а люди. Живые. Всё-таки надо уходить. Тут опаснее, чем в горах и руинах, где бродят убьеры. Даже если остатки совести борются у доктора со стыдом, кто знает, что победит?

Только сейчас Младший заметил среди артефактов большое радио. Александр видел подобное в Прокопе. А вдруг это не экспонат? Точно, есть шнур, и есть розетка на стене. Подключил, щёлкнул выключателем, покрутил ручку. Нет эффекта. Без электроэнергии не работает, и у доктора явно есть генератор, но за всё время, что Саша был тут, он его не включал. Обходились коптилками. И осматривал его врач без электрического света, если не считать яркий налобный фонарик.

«Он не шпион, – догадался Саша. – Просто ждёт и надеется. Потому что для него эти люди – ниточка, связывающая с сыном и с покойной женой. И с миром мечты. Поэтому и слушает эфир. Может, он знает про засаду и разгром? Сдаст? Хотя вряд ли СЧП поедет сюда за мной одним. Невелика птица. Плевать им на меня. А доктору всё равно веры больше нет. Здесь и кроме Орды могут быть плохие люди».

Надо делать ноги, подумал Данилов. Но как быть с тем, что он всё ещё чувствует себя как жёванный лимон?

«Тут вокруг полно деревень... занимай пустой дом и живи, сколько хочешь, – подумал парень. – Отлежаться можно и там. Главное – дойти».

Хотя Саша пытался не подавать вида о своём открытии, утром Андреич всё понял. Может, увидел, что дверь не так закрыта или ручка у радио не так повёрнута... («Кто сажился на мой стул и сдвинул его с места?»)... Хотя Младший и пытался *статус-скво* восстановить.

– В сарае был? Это Катя занималась, – сказал доктор. – Старым миром очень увлекалась. Историей. Детей учила... сейчас школа пустая стоит. Собирала древности. Эти вещи она по всем соседним городкам собирала, я помогал. Когда про Орду услышала (странник однажды у нас неделю прожил, много про них рассказывал, тогда у них всё только начиналось), решила сделать бюст Виктора Иванова. Долго выбирала материал. Взяла дерево, «потому что оно живое и тёплое». Говорила: вот великий человек, мы должны на него молиться. И умирала с его именем, не с моим. Представляешь? Потому что это – надежда. На то, что мир вернётся в наши селения... Только на него... или на таких, как он.

– И как они это сделают? – не удержался Саша. Он ждал, что доктор расскажет ему о царстве добра и прощения. И можно будет высмеять его.

Но тот сказал иное.

– Обыкновенно, Санька. Через огонь и виселицы. А что, бывает по-другому? Нет. Добро придёт через поколения. А пока будет железо и кровь. Когда-нибудь и ты поймёшь. Если ещё не понял.

Младший почувствовал прилив ярости, от которой стало жарко. С гнильцой этот доктор. Хуже самих ордынцев. Те хотя бы вояки, некоторые даже честные... в своем зверстве. А этот... сам вряд ли кого-то вешал. Не видел, как у человека язык вываливается. И как рубят в рукопашном бою в тесном коридоре, как колют штыками пленных. Хочет, чтобы грязную работу другие сделали. И даже то, что он эту мысль не скрывает... чести ему не делает. Он её не скрывает, потому что она для него естественная.

Младший на секунду даже подумал, чем можно отомстить этому почитателю Уполномоченного. Без разрушений. По мелочи. Что-нибудь украсть, сломать или изрисовать. Или хотя бы уйти, не заплатив. Но потом решил, что это низко и по-детски.

Вероятность ещё раз встретиться почти нулевая. Даже если придётся когда-то возвращаться этой дорогой. Но вспоминать потом со стыдом даже такую мелочь не хотелось.

Нельзя. Если уж что-то творить, то по-крупному. Но не здесь и не с этим человеком.

– Короче, так, – наконец, произнес Андреич. – Встанешь на ноги – и уйдёшь. Я не могу рисковать. Ордынцам на тебя насрать, да и где они?.. Но наши сильно бузят. Догадались они. Ну не любят у нас чужаков. А я не хочу проблем.

– Да я и сам вас не хочу подставлять. Уйду.

– Вот и отлично. Твой путь – это твой путь.

– Послезавтра, – уточнил Саша.

– Да живи до понедельника, – махнул рукой доктор, отводя глаза. – А то ещё в дороге температура скакнёт, помрёшь. Ты всё-таки мой пациент.

– Спасибо, но нет. Послезавтра.

– Ну, как знаешь, – тот, судя по всему, был рад, – А всё-таки... если честно... куда ты идёшь, чего ищешь?

– Есть у меня одна цель. Но я вам не могу сказать, – не получалось у Саши соврать, голова совсем не варилась. И правду говорить нельзя. Это было бы слишком.

«Найти того, кто называет себя Уполномоченный. И заставить его заплатить».

– Что, как в книжках? Тёмных властелинов побеждать и принцесс выручать? – усмехнулся Андреич. – Твоё дело. Принцессу-то тебе уже пора. Только не болтай по пути лишнего. Тебе повезло, что не попал в Сатку. Мы – ещё нормальные. А знаешь, как говорят у соседей? «С собаки можно снять одну шкуру, а с прохожего – целых три и ещё сапоги». Рукавицы, шапку, штаны, тулуп, даже нательное бельё – ничем не брезгуют. А тем более вещичками в рюкзаке или мешке. И считают, что правы. Что хорошее дело делают, всё в дом, для семьи. Да и труп могут бросить, а могут и в дело пустить.

– Неужели?

– Нет, не думай, я же говорил, *мясо* ни у нас, ни у них не едят. Людоедство – зашквар, как говорится. Но свиньям или псам притащить замёрзшего могут.

– Дичь какая.

– Именно. Дичь. Где-то табличка висит на трассе, что чужие должны за проход платить. Но она маленькая, и её снегом заносит.

Младший вспомнил, как за ним гнались на шоссе. Похоже, то были не случайные преследователи, а охотники на людей. Интересно, сколько и чем надо было заплатить, чтобы избежать побоев?

Пару минут помолчали, каждый, видимо, вспоминая о своём.

– Или всё-таки остаться до понедельника надумал?

– Не могу, – ответил парень. – Надо идти дальше.

Куда именно, не сказал. Об этом так же нежелательно говорить, как и о главной цели похода.

Саша почувствовал, что доктор его ответу даже рад.

– Деревня наша почти не контактирует с миром. Живём на краю задницы. Я-то немного поездил... а вот остальные верят, что дальше живут мутанты с двумя головами. Но знаешь, что я тебе скажу? В этом довольно много правды. Потому мы и радовались «сахалинцам». Те вроде ничего. За порядок. Жаль, что пока не вышло к ним прикрепиться.

– Значит, надеетесь, что они вернуться?

– Я надеюсь. Но вряд ли это будет скоро. Не раньше лета. Если зачем-то надо к ним, то тебе только в Уфу или в Белорецк. Скорее, в Уфу. В Белорецк дороги нормальной нет. Но у нас так далеко никто не ездит. Деревни будут по пути, но не факт, что тебе туда стоит заходить. Везде ситуации разные, могут и в яму посадить, если увидят, что ты не из местных. Разве что Орловка... Там ярмарка небольшая и люди ходят разные. Это километров шестьдесят к западу. Я отмечу тебе на карте. Там живёт мой шурин. Дам тебе письмецо. Я давно у него не был... а почты у нас нету. Если скажешь, что от меня... может, подсобит. От них иногда ходят караваны. В Уфу чаще, чем в Белорецк. «Караваны»... это громко сказано. Три-четыре телеги из старых прицепов. Так безопаснее. Я не знаю, как ты шёл от Кургана, но у нас в этом году волков много расплодилось. Похоже, к западу от Пояса у них демографический взрыв. А всю свою кормовую базу в лесах серые съели. Ещё, судя по приметам, скоро будут лютые холода.

А значит, с добычей у них совсем плохо... Будь осторожен... Короче, у шурина дом на южной окраине посёлка, двухэтажный, отделан зелёным плоским шифером. Не перепутаешь.

Саша хотел было спросить, не было ли с ордынцами, когда они ехали на запад, людей, которые выглядели бы как пленные... но вовремя вспомнил, что они даже не останавливались. Да и Андреич бы удивился: какой смысл им кого-то везти силой, если люди идут к ним добровольно толпами?

Перед сном вдруг вспомнился временный правитель Сибирской Державы – Бергштейн. О его последнем часе рассказывали те, кто исполнили мрачный приговор.

«Я хотел спасти наш народ! – причитал он, отодвигаясь к стене. – Вы представляете, с какой силой связались? Пройдёт зима, и сюда придёт новая армия. И города не будет! Вашими головами украсят заборы. Детей зажарят живьём на ваших глазах. Женщин будут трахать всем скопом! А того, кто останется в живых, будут травить, как волков, собаками».

Восставшие слушали его, чтобы посильнее распалиться. А он, бывший регент, а теперь свергнутый предатель, или сошёл с ума... или трезво, несмотря на трусость, рассудив, настроился на лёгкую смерть. Видимо, думал, что разозлит их, и его пристрелят на месте. Или быстро зарежут. Размечтался.

«Это вы их разозлили! Слово «Орда» означает «порядок». Мне рассказывали, там, где они правят... все живут как у Христа за пазухой... А вы взбрыкнули. Они хотели помочь. Провести дороги, электричество. А товары и станки... даже если что-то взяли, то вернули бы в двойном размере!».

«А почему не в тройном? – хмыкнул Пустырник. – Такой большой, а в сказки веришь».

Бывшего временного правителя не стали бить и пытаться. То, что ждало его, было страшнее любых пыток. Он совершил нечто худшее, чем те, кто убивал, просто подчиняясь приказам. Он стал предателем. Он пригласил сюда чужаков и сам стал чужаком. И дело не в иностранной фамилии. В Сибири хватает людей, чьи фамилии звучат не совсем по-русски.

Он кричал, пока его связывали, вопил и извивался, когда положили в ящик и опустили аккуратно в яму, заходил в крике, когда на крышку сверху упали первые лопаты земли... А когда яму засыпали и разровняли, только более рыхлая земля указывала на место, где зарыли живьём изменника. Оттуда долго слышались приглушённые звуки, но никто не обращал на них внимания. «Именно так надо поступать с иудами», – сказал тогда Пустырник.

В чём-то и Орда, и сибиряки были солидарны. Они считали: тот, кто продаёт своих, в сто раз хуже того, кто враг изначально.

С этими мыслями Сашка уснул, так и держа в руке журнал со статьёй про самые мощные атомные бомбы.

Проснулся от того, что кто-то скрёбся за дверь. Нет, шевелил наружный засов! Выходит, кто-то его уже запер. А теперь открывал, стараясь действовать тихо.

Сашка не успел сориентироваться и вооружиться. Пистолета в тайнике не оказалось.

Не сразу, но вспомнил, что перепрятал его. Днём носить оружие с собой было нельзя. Однако на ночь доставал его из тайника за досками и клал под подушку.

Дверь тихонько приоткрылась.

– Тс-сс... Дяденька. Это мы.

Знакомый двойной силуэт показался в проёме.

Голос звучал страшно, будто змея шипела.

– Что случилось? – спросил Сашка.

На близняшках было пальто, такое же двойное, как их платья. Младший подумал, что в этот мешок с прорезями даже крупный взрослый бы поместился. А общий вес этого объединённого организма был намного больше, чем его собственный.

– Вставай! Народ у старосты собрался. Про тебя громко говорили. А папа тебя закрыл. Папа твоей смерти не хочет. Он сказал, с тобой просто поговорить надо. Но они идут не говорить. У них топоры. И ружья. Я видела их, они со двора старосты выходят. Я дорогу срезала и бежала, – только сейчас Данилов понял, что она запыхалась, еле дышит. – Они идут медленно. Но скоро будут. Папа с ними. А тётя Света спит. Она на ночь лекарство принимает. Отваряют одних.

– Ты молодец. Как же... поговорят они, – поморщился Данилов. – Спасибо тебе... вам.

Вторая... Аня... Нюша или как её там... молчала, но смотрела удивительно разумным взглядом. И Саша подумал, что она умнее, чем выглядит.

Он начал быстро собираться. Пистолет теперь был при нём. Девочки так и стояли на пороге, ближе не подходя.

– А мы смотрели твою книжечку. Ты идешь убивать Дракона? Мы читали про таких людей. Бог будет за тобой смотреть. Ты ему нужен, раз ещё живой.

– Надеюсь, – парень уже накидывал куртку, закончив сборы. Слегка ошарашенный.

– И ещё... мы место знаем. Там жёлтые камушки есть. Играли и нашли. Но они тяжёлые. Нам не нужны. И тебе тоже. Но кому-то понадобятся. Жадному, хитрому.

– Приз-на-ки, – вдруг очень чётко сказала Нюша. – Живут.

– Не признаки, а призраки, дурёха, – её сестра щёлкнула близняшку по лбу. – И не живут, а уже умирают. Старые они. Они не разозлятся.

Няша всё ещё не могла отдышаться. Она прислонилась к косяку, и казалось, что может упасть. Хотя упасть они могли только вместе, а сестра стояла твёрдо.

Данилову протянули серую тетрадную страницу в клетку с непонятными значками. Некогда читать, надо быстро обуваться. Он не верил, что какие-то детские глупости могут быть полезны, но спрятал лист в карман.

На Саше снова была только его одежда. Ничего из шмоток доктора он не взял. А все его вещи, постиранные и высушенные, были в рюкзаке. Были и продукты, которые он честно купил у Андреича, расплатившись патронами. И за лечение он тоже плату оставил.

– Спасибо, – Александр был готов, закончив завязывать шнурки. Руки ещё чуть тряслись.

Сашка не очень верил, что будет польза от «камушков», даже если они существуют.

А первая девочка – её же звали Няша? – продолжала:

– Я слушала из-за двери. Папа не так вам сказал. Они прибили дядьку старосту, Ефима Петровича, не за то, что воровал. А за то, что на колени не бухнулся, когда приказали. Сначала выпороли кнутом. А он слово сказал нехорошее. Озверели. А новый староста... папа говорит, он «не сахар». А как человек может быть сахаром? Его же нельзя съесть.

Девочка улыбнулась, показав крепкие зубы. Её сестра скопировала жест, но у неё получилось не мило, а жутковато.

В естественном порыве, чего не делал уже давно, Младший улыбнулся им в ответ. На несколько секунд отвернулся к рюкзаку, а когда повернулся обратно, на пороге никого не было. Только топ-топ по деревянному тротуару, уже далеко, в сторону главного дома, где светилось окошко. Быстро они ходят. Почти как нормальный... обычный человек.

А потом он увидел своё ружьё, прислонённое к дверному косяку. Точнее, винтовку СКС, которую сдавал доктору на хранение. Принесли, значит.

Ох, и попадёт девчонкам за своеволие. Но ничем помочь им Саша не мог.

Он подождал ещё пару минут и только тогда, действительно услышав вдалеке голоса – ему важно было знать, с какой стороны «делегация» подходит, – перелез через забор с противоположной. Потом сначала бежал, чудом не упав в темноте. Потом прятался от конников, которые явно искали его, проскакав дважды по шоссе. Все в меховых ушанках. С ружьями.

Мельтешили факелы, и даже пара керосиновых и один электрический фонарь. Замерев, он слышал ржание коней, но лай собак напугал его гораздо сильнее.

Вот это было плохо. Надо было как-то отбить запах. Жаль, что он не представлял, как это сделать.

Какое-то время прятался под тем самым мостом, который дал название посёлку. Сидел на льду, надеясь, что собаки потеряют след. Но ждал с винтовкой в руках.

Однако лай не приближался. А потом начал, наоборот, отдаляться. Похоже, пёсиков не спустили с поводков. Видимо, собак тут ценили, и жители Елового Моста не стали пускать их на человека с оружием. Да ещё загнанного, как они думали, в угол. Собаки шли вместе с загонщиками.

Или не смогли взять след.

«Но они исправят эту ошибку. Найдут другую собаку, более опытную. Дадут ей понюхать те вещи, в которых я ходил. Надо быстрее делать ноги».

Данилов быстро пошёл на запад, но не по шоссе, а на расстоянии, держась за рядом сосен или ёлок. Хотя и корявых, но дающих своими ветвями какую-то защиту.

Но вскоре чуть не нарвался на ещё одну группу, на этот раз пешую, которая шла навстречу. А вот эти, похоже, из Сатки. Но без собак, и это хорошо.

Он залёг прямо в снегу, и они прошли мимо в полусотне метров. Шли очень быстро. Скорее всего, на лыжах. Да, движения рук не спутать.

Снег ещё позволяет ходить без них, но с ними, наверное, сподручнее. Да и скользят они быстрее, чем он шагает на снегоступах. Если что, догонят на раз. Переговариваются тихо, пара фонарей у них на всех. Их человек восемь. Воевать бесполезно.

Саша поднялся, только когда они исчезли в стороне Елового Моста.

Оставалось надеяться, что они там не сговорятся, а задержат друг друга, а то и вовсе сцепятся. Хотя на это надежды мало.

Но как бы то ни было, конники его упустили, как и лыжники.

Он шёл весь день. На запад по компасу. Далеко от шоссе.

Крадучись за деревьями, прошёл мимо самой Сатки. Видел в бинокль красивые, но явно брошенные многоэтажки, ещё сохранявшие нарядный вид, обшитые разноцветными панелями. Но жили не в них, а в домах поменьше. Он увидел дымки. Надо было остерегаться.

Видел также глубокий карьер, сразу заставивший вспомнить Прокопу. Огромная яма. Но вряд ли тут их в Войну бомбили. Скорее, что-то раньше добывали.

Видел в бинокль застывшее озеро, на другом берегу парк и в нём маленькие средневековые крепости, пушки, вмёрзший в лёд покосившийся пиратский корабль. Видимо, та самая «Манькина лагуна». Пожал плечами. Как только не чудили предки.

Вскоре добрался до поворота к городку Бакал. Именно это название стояло на листке, который ему дали сёстры. Это был типичный детский рисунок, сделанный разноцветными карандашами. Подписи вызывали усмешку.

«Людей нет!». «Развалены тут и тут». «Домик, где жёлтые камушки (Сбирбанк!)» – нетвёрдой детской рукой были выведены каракули.

Косые прямоугольники с крышами изображали дома. Линии между ними – улицы.

На обороте оказалась схема какого-то помещения.

«Карта того дома». «Тайник с сокровищами».

Саша собирался уже пройти мимо съезда с Большой дороги. Но попытался от нечего делать сопоставить набросок на тетрадном листе со своей картой. Атласом. И увидел, что и там и там участок дороги, ведущий к городку, изображён почти одинаково.

Заинтригованный, Данилов свернул к городу и углубился в пустой район жилых когда-то домов. Самые большие – в три этажа.

Если верить Ньюше и Няше, в городке никто не жил. Кроме призраков.

Младший вдруг представил. Когда-то была боль, ужас. И они задержали в этом мире тех, кто в нормальной ситуации его бы покинул и обрёл покой. Злость. На тех, кто убил, и на тех, кто не спас. А сейчас они уже истончились. Их держит ниточка, тоньше волоса. А скоро лопнет, и улетят, растают. Освободятся. А люди здесь останутся. Страдать.

Какое же богатое у девчонок воображение. Видимо, в мать. Но он-то взрослый и не сумасшедший, зачем он идёт по указателям, сделанным детьми?

Нашёл дом с самого края, который был похож на обведённый кружком на рисунке. Обычный дом. Но на первом этаже виднелась вывеска отделения «Сбербанка».

Младший зашёл внутрь. Приоткрытая дверь поддалась с трудом. Внутри был жуткий разгром. Потратил почти час, много раз хотел плюнуть и бросить.

Банкоматы в первом зале стояли раскуроченные, но если что-то там и было, это теперь только детям играть. А вот другое помещение, куда раньше, видно, не пускали посетителей, а теперь дверь была взломана... преподнесло ему сюрприз.

Несколько ящиков-ячеек были открыты. В последнем, закрытом, но не запертом, лежал мешочек, в каких раньше новогодние подарки дарили. Очень замызганный. Ослабил тесёмку и чуть не захохотал. Внутри полно жёлтых монет.

Таким тяжёлым могло быть только золото, подумал Саша. Выглядели монеты очень красиво, совсем не потускнели, и если на обороте был орёл, то вместо «решки» на них красовались изображения людей. Похоже, их чеканили к знаменательным событиям, типа чемпионатов или олимпиад. На всех были изображены спортсмены, то ли каратисты, то ли дзюдоисты.

Данилов пересчитал их.

«Ого, целое состояние. Только в прошлое попасть надо».

Скорее всего, цена этому была ноль-повдоль. Купить на них ничего нельзя, но, может, как сувенир удастся кому-то загнать. Дядя Женья рассказывал, что почти все инкассаторские машины, которые ему встречались, были пусты, выпотрошены.

Да, это «богачество» очень сомнительное.

И всё же Саша надеялся добраться до Орловки. Он не знал, в силе ли обещание. Может, не искать шурина доктора, а обратиться к первому, кто выглядит адекватно... Но внешность уже не раз обманывала.

Шестьдесят километров... Вряд ли его будут продолжать преследовать люди с Моста. Ушёл и ушёл. Теперь это не их проблемы. Или обратиться к шурина, сказать, что пришёл от доктора, а не заявиться как хрен с горы?

Ну и сукин сын этот Андреич... Пришлось уйти, не долечившись. Может, и не сдохнет из-за этого сейчас, но здоровью это точно не полезно. А если болезнь вернётся?

Надо было сарай спалить вместе с капищем. А так ещё найдут мастера по дереву и закончат идола.

Саша в глубине души понимал этих людей. Но принять не мог. Ему тоже хотелось справедливости и порядка. Просто у него были о них другие представления.

Итак, у доктора он прожил неполных три дня. В общем, неплохих, если бы не попытались убить в конце.

Потом он будет ещё долго болеть. Но это лучше, чем быть зарезанным или брошенным в застенки, подпол или гараж с надёжной дверью. Под охрану злых собак и деревенских мужиков в мохнатых шапках с ружьями.

На привале сделал несколько записей.

«Быть максимально осторожным. Уполномоченному и СЧП многие лояльны. Его любят. Не верить нейтральным никогда».

Потом, подумав, зачеркнул слово «любят». Исправил на «уважают». А может, считают меньшим злом.

«Это они ещё зла не видели».

Хорошо, что не проболтался про истинные цели похода. Надо продумать легенду получше. Отныне, приходя в поселения, надо не только не заикаться про месть, но и сразу спокойно выдавать чёткую и простую «сказку», в которой не будет противоречий. И поменьше думать о своих потерях и гневе, потому что не всегда получается держать лицо.

Глава 3

Робинзонов удел

В конце января, когда, как по щелчку небесного переключателя, начались крещенские морозы, Александр остановился в нежилой деревне под названием Лозовая, к северу от шоссе и от опустевшего города со странным названием Юрюзань. Рядом не было ничего интересного, вокруг простирались холмы, поросшие низеньким леском. Деревья поглотили несколько соседних деревень и какие-то корпуса, похожие на завод или колхозную ферму. Он туда не совался.

В мёртвых деревнях трудно найти неразвалившийся дом, но он разыскал несколько на выбор. Энтропия могуча, однако не всесильна. Поразительно, что все хорошо сохранившиеся избышки были даже не из кирпича, а из потемневшего, твердого как железо дерева. На совесть строили.

Хотя крыши провалились почти у всех. Стропила, видимо, подгнивали, и рано или поздно кровля обрушивалась под массой мокрого снега и собственной тяжестью. Полвека без ухода – большой срок даже для таких срубов, строившихся, чтобы быть практически частью природы.

Первым делом он смотрел печи, дымоходы. Крышу ещё можно подлатать, но печь заново он не соберёт. В походе он не раз останавливался в маленьких домах и использовал печки. Половина дыма почти всегда шла в комнату. Приходилось часто проветривать, что сильно снижало эффект от его усилий. А иногда и вовсе случалось обогреться костром. Но сейчас он искал не пристанище на один день, а полноценное жильё, хоть и временное.

И если подгнили нижние венцы сруба (все эти термины он знал, потому что слушал разговоры взрослых), то дом может даже рухнуть на голову. Надо было смотреть всё на предмет гнили и следов плесени. Хотя сейчас, в морозы, вся плесень сдохла, и даже гнилое дерево на ощупь твёрдое. Сложно определить, но можно: поковыряешь – оно крошится.

Во многие дома опасно заходить – пол был «живой» и мог разойтись даже под его весом. Не хватало ещё улететь в подпол и ноги переломать. Но это были азы безопасности, этому учили детей в Прокопе лет с четырёх-пяти – в брошенные дома не заходить и даже рядом с крышей не стоять, чтобы не придавило чем-нибудь. Это относилось и к большим домам, и к маленьким. А уж если зашёл – смотреть под ноги, прислушиваться к посторонним звукам, опасаться лестниц и потолков. Но, конечно, правила нарушались. И большими, и маленькими.

Сашино внимание привлёк домик размером ненамного больше, чем некоторые бани. Три окна. Никакого декора вроде резных наличников. И современных материалов не заметно. Всё старинное, корявое, кондовое, но на вид прочное. Почему-то вспомнилась Избушка на курьих ножках – фундамент как раз был высокий. Если бы не столб, на котором явно раньше были натянуты провода (он лежал на земле, наполовину засыпанный снегом), можно было подумать, что домик этот из былинных времён. Зато крыша не провалилась, хотя от листов шифера остались только отдельные куски. «Двускатная», вспомнил он определение. Но вроде они тут все такие.

И труба стояла. Если бы не окна без стёкол, можно было подумать, что в доме живут. Правда, вблизи эта иллюзия разрушалась. Конечно, и здесь энтропия хорошо покуролесила.

От забора, огорода и построек во дворе не осталось почти ничего. Младший даже не пытался найти избу с целым забором, он давно понял, что это пустые мечты. Деревянные заборы повсюду сгнивали и падали в первую очередь. От них оставались отдельные фрагменты. Здесь, похоже, забор был из металлической сетки. Уцелели столбики, к которым эта сетка когда-то была прикреплена, по ним можно было понять, где границы участка. Останки сарая

темнели в снегу, присыпанные почти по самую крышу. Банька ещё стоит, хотя тоже едва угадывается среди сугробов. Похоже, лопатой тут придётся поработать как следует. Несколько больших лопат из алюминия, выглядящих как самодельные, он собрал по соседним дворам. Стодятся. Люминий не ржавеет. Хотя ему больше пластиковые по нраву.

Вскоре Саша понял, что лучше места не найдёт. К тому же он устал как собака, замёрз как мышь, а ещё кожей чувствовал, что надо найти укрытие до темноты. У этого дома был один серьёзный недостаток: сразу за бывшим огородом – густой лес. А где лес, там и звери. Здесь они явно чувствуют себя более вольготно, чем на трассах и в бывших городах. Человеком здесь даже не пахнет.

Однако именно в этом доме он решил прожить зиму.

С волками жить – по-волчьи выть. Но среди людей жить – как два волка выть. А может, и головы не досчитаться. На снегу во дворе Саша заметил несколько цепочек заячьих следов. Больших следов не было видно. Зайцев он не боится, наоборот, ещё попытает счастья с ними.

Была ещё одна серьёзная проблема. Саша понимал, что невероятно мягкая первая половина зимы закончилась и надвигается зима настоящая. Переходы, которые при нуле градусов давались ему легко, при минус пятидесяти доконают его за пару суток. Даже при его врождённой сопротивляемости к холоду, которая явно была связана с отбором, через который они прошли в Зиму.

Он вряд ли дойдёт до Орловки при такой погоде. Ему сильно везло весь прошлый месяц, да и предыдущий – холодные периоды случались, но морозы не стояли больше пары-тройки дней. И он принял за должное то, что было редкой удачей и лотереей. Ударил бы морозы раньше – и до Кургана бы не дошёл. Да даже до Омска. Отморозил бы нос, пальцы, или сердце бы остановилось.

Дверь открывалась с жутким скрипом, и в первый раз пришлось приложить недюжинное усилие. Надо смазать. Сколько лет сюда не заходили? Не так уж далеко от большой трассы, а вокруг – первобытное запустение.

Можно представить, что тут делается летом. Сейчас деревья торчат как палки из двухметровых сугробов, а летом тут, наверное, бурьян выше человеческого роста.

Но летом его здесь не будет. Так или иначе.

Ветер гулял со свистом в сениях, где стояли резиновые галоши и сапоги прежних хозяев, и валялось ведро без дна. Как и в других домах, из оконных проёмов намело сугробы, пол покрывал толстый многолетний слой листьев и веток.

Кое-какая мебель жалась по стенам в единственной большой комнате, не разделённой перегородками.

Стол, пара стульев, комод, две кровати. Всё или ржавое, или перекошенное, вспученное, скособоченное. Шкафа нет, вместо него – полки, повалившиеся одна на другую. Треснутое зеркало в углу. На полу бельевая верёвка с остатками полусгнивших тряпок.

Маленькую кухню отделяла от этого «зала» только большая печка. Там, в углу, ещё полки, часть которых тоже упала, и небольшой шкафчик. С трудом открыл его с помощью выдержки – так заржавели петли, – но внутри только панцири насекомых, какая-то труха и несколько разномастных тарелок.

На полу кухни среди спрессованных листьев валяются ржавые банки, осколки посуды, кастрюли и кое-какая утварь. Тут же перевёрнутая бесполезная маленькая электрическая плитка и раковина... значит, в доме имелся водопровод. Примитивный, правда. Ага, вот и труба... дырявая, как решето. Видимо, вода поступала из какой-то ёмкости. Сейчас, ясное дело, из колодца придётся поднимать. Главное, чтобы оттуда она не ушла.

Это он уже проверил, в первую очередь. Слава богу, вода в колодце была. И слой льда не очень толстый, он смог его проломить. Почему-то Саша подумал, что там, в глубине, вода не так заражена.

Ванны и унитаза нет. Удобства – во дворе. Странно было ожидать иного.

Саша надеялся, что, приложив усилия, сможет сделать дом обитаемым.

Кое-как забрался на чердак по хлипкой полусгнившей лестнице. Даже под его невеликим весом перекладыны скрипели, хрустели и прогибались, а две и вовсе переломились. Хорошо, что Саша был к этому готов, и ему удалось не свалиться. Перекрытия и стропила были в приличном состоянии. Снега, как он и ожидал, намело довольно много через щели в обрешётке. Надо бы его с чердака скинуть. Но он подумает об этом завтра. А сегодня ещё надо проверить дымоход.

Проявляя чудеса ловкости, спустился с чердака и занялся печкой. Поджёг растопку – бумагу и куски старого картона, всё это он по-хозяйски собирал при любой возможности в городских квартирах, сушил и расходовал всегда очень экономно. Загорелись щепки, потом занялись и дрова. Из трубы пошёл дымок. Вроде тяга есть... Значит, дом можно приватизировать. Или арендовать? Не знал Младший таких тонкостей.

Вряд ли кто-то возмутится и обжалует его право пожить здесь. В «признаков» парень не верил.

Щели в печи хорошо бы замазать, но он не представлял, где взять зимой в глуши какой-нибудь материал для этого. Кроме глины, ничего в голову не приходило. Опять дефицит знаний. Хотя с виду печурка почти целая. Продержится.

Туалет во дворе развалился, и даже место, где он стоял, невозможно было определить. Но это ерунда. Главное – в яму не провалиться. Там уже всё давно перегнило, но не хотелось бы сломать ногу. Может, взять завтра дырн подлиннее и пройти по участку, поискать, потыкать снег. Обычно сортиры ставили на задворках. Похоже, эта деревня стоит мёртвой давно. Когда её покинул последний житель – только боги знают. Может, немногие уцелевшие коротали долгие зимние вечера ещё несколько лет после катастрофы и пытались вырастить скудные урожаи за короткое лето. А может, кто-то из городских беженцев прятался тут или переживал самые страшные дни Зимы. Но все они сгинули десятки лет назад.

Стёкла Саша вставлять не умел, они негодились бы, даже если бы и отыскал их в чьём-нибудь сарае. Ничего похожего на плёнку тоже не нашлось. Поэтому пришлось заколотить окна наглухо. В комнате стало совсем темно, зато гораздо теплее. Заодно и согрелся от работы.

Но сквозняки в доме всё равно остались неслабые.

«Не пойдёт. Всё тепло будет выдуваться».

Надо законопатить щели между брёвнами, они сильно разошлись. Если на улице минус сорок, хорошо бы в доме нагреть хотя бы до нуля. Он всё равно не собирается раздеваться, а спать будет в куртке и штанах в застёгнутом мешке. Может, дополнительно соорудит что-то вроде палатки в комнате. Или полог натянет над кроватью.

Первая ночь на новом месте прошла спокойно. Он ещё недостаточно окреп после лучевой болезни. Вроде бы сегодня ничего особенного не сделал, но очень устал. Едва растянулся в своем мешке, как тут же провалился в сон. Утром сквозь щели в неплотно пригнанных досках, которыми он вчера забил окна, просочился бледный слабый свет. В комнате уже можно было всё рассмотреть. Это, конечно, хорошо, но температура в доме сейчас была примерно как на улице. Печка давно прогорела и остыла. Саша понял, что вчера за хозяйственными хлопотами так и не поел. Ничего, вот он разберётся с самыми неотложными делами, хорошенько протопит в комнате и поест в тепле и в безопасности. А потом можно продолжать работы по благоустройству, но уже без аврала. Поработает – отдохнёт. Он никуда пока не торопится.

Сначала заткнул самые крупные щели, хотя на это ушла уйма времени. Потом понял, что холодом тянет и сверху. Потолок не имел никакой обшивки. Надо снова лезть на чердак и положить там какой-нибудь утеплитель.

Он опять начал бродить по соседним участкам, по уцелевшим сараям и гаражам. Всё, что могло пригодиться, стаскивал к себе, как суслик в норку. Саша знал, что для утепления перекрытий годится минеральная вата. Но если он обдирал её откуда-то, она тут же рассыпалась в руках. Ещё подошёл бы керамзит. Вот только как он выглядит? Можно использовать пенопласт и даже шлак и золу из печки. Конечно, быстро он не доведёт всё до ума. Постепенно будет делать.

Надо позаботиться и о запасе топлива. Тут должны были топить углём. Он видел во многих дворах постройки, похожие на углярки. Надо покопаться там. А вот дров в деревне сколько хочешь. Но надо найти достаточно сухие, чтобы с их помощью сушить новые партии. Хотя уголь даёт тепла куда больше. Но годен ли он ещё?

Это хорошо, что сюда не провели газ. А электричество, видимо, стоило дорого, чтобы только им обогреваться. Саша знал, что предки умели делать хорошие электрообогреватели и нагревательные панели, но понятия не имел о тарифах на электроэнергию. Догадывался, что стоило это недёшево. Если бы тут стояли эти сложные системы, а не печка, его ждал бы сейчас крупный облом.

Уголь так уголь. Привычно. Хоть крыши этих сараюшек и провалились, а внутрь нанесло земли, но, если покопаться, можно извлечь годные комки. Они должны гореть. Хоть и хуже, чем только что добытые.

В Прокопе до самого исхода, когда они попытались сбежать из Державы на юг, ещё даже не зная, что та уже захвачена, но чувствуя недоброе, иногда копали уголь там, где он выходил почти к поверхности. Это называлось «копанки», хотя слово это придумали не в Кузбассе. Такой уголь горел хорошо. Но старым углём тоже пользовались, хотя ценился он куда меньше.

Закончится топливо в одном сарае – перейдёт к другому; благо, санки имеются, не на спине таскать. Он знал, что уголь окисляется на воздухе, а большие кучи, которые лежат на открытом месте, иногда даже самовозгораются. Может, поэтому многие деревни, покинутые людьми, в итоге сгорели. Хотя чаще их губили лесные пожары, а иногда даже молнии. Грозы в первые годы новой эры были очень сильные.

Пока Саша ещё очень слаб, пилить, а тем более рубить дрова он не сможет. Легче принести валежник из ближайшего леса. А ещё проще собрать всю мебель и жечь в первую очередь её. Когда окрепнет, сможет рубить сухостой, отдирать полы, деревянную обшивку, рамы.

Но сначала его ждала тяготная конопатка сруба тряпками, которые Саша тоже собирал по всей деревне. Теперь пришёл черёд более мелких щелей. Некоторые куски ветоши были настолько трухлявые, что расползались в руках.

Хоть его и не привлекали в детстве к таким работам, он видел, как это делали взрослые. А вот мхом конопатить так и не научился. Но ветошь годилась лучше.

После того, как окон не осталось, свет придётся получать другими способами. Всё равно зимой почти всегда на улице темень или буран, да и стёкла бы всё равно замёрзли. Если вдруг понадобится хорошее освещение для кропотливой работы, у него был при себе динамический фонарик, который он разыскал на месте гибели отряда.

Ещё в его распоряжении имелась керосиновая лампа-«коптилка». Но горючего к ней оставалось немного.

Хорошо бы научиться жечь лучину. Впрочем, когда печь топится, даже горячие угли из-под печной заслонки дают достаточно света, чтобы ориентироваться. Хотя иногда можно и в темноте посидеть. Настроения читать книжки у него не было.

Младший понял, что рискует вырубиться от усталости. Главное, не задохнуться при этом. Раз нельзя открыть окна, то единственным резервным дымоходом, если дома будет «трэш и угар», послужит дверь. Впрочем, он собирался беречь тепло и готов был потерпеть дым.

* * *

Тяжело работать на морозе. Руки сильно болели, кожа на них потрескалась и покрылась цыпками, уголь и зола въелись намертво и ничем не отмывались. Тонкие «верхонки» мало помогали от холода, но в толстых рукавицах много не поработаешь.

Наверное, любой из ребятишек Прокопы лучше справился бы с ремонтом, с топкой печи, да и с чисткой снега. Их с детства привлекали к помощи по хозяйству в доме и на огороде, к рыбалке и охоте. Сашка тоже никогда от поручений не отлынивал, но родители, а когда не стало мамы, и бабушка и дедушкой часто старались его от тяжёлых и грязных работ освободить. И этим, как он уже понял, оказали ему медвежью услугу.

Ещё по пути сюда Младший начал собирать любые инструменты, которые удавалось найти, вплоть до шпателей. Закончив с тяжёлыми работами и наводя порядок, выкидывая крупный мусор, выметая сор метлой, пока в печи ровным пламенем горел уголь (у него получилось с ней подружиться, хоть и не с первого раза), Саша думал о будущем и строил планы.

Конечно, весной, с первой оттепелью, он уйдёт отсюда и направится дальше на запад. Надо искать большие поселения. Там будет какая-то миграция жителей, торговля, ремёсла. Значит, меньше страха перед чужаками. Он вычитал это в учебнике по истории и в исторических книжках. В большом населённом пункте укрыться можно. А в совсем маленьком никто ему не даст даже передышки. Надо попасть в Орловку. А уже оттуда следовать дальше.

Но пока он поживёт здесь, как дикарь. Робинзон... Или как его собственный дед во время пути от Новосибирска до Прокопы... которая тогда ещё называлась Прокопьевском.

Хотя деду тяжелее было, он и пятидесятиградусные морозы пережил. А может, и ниже, когда спиртовой уличный градусник достоверную температуру уже не показывал.

И темноту. Нет, лучше сказать: «Тьму».

Конечно, безлунными ночами, когда небо затянет, тьма и тут будет первобытная. Но всё-таки ядерной зимой было, конечно, тяжелее. Хотя сравнивать глупо. Мотивы их путешествия противоположные. Александр-старший шёл домой, а Младший, наоборот, уходил всё дальше от знакомых мест.

Даже с купленными у доктора продуктами еды оставалось немного, месяца на полтора при самой драконовской экономии, что означало жизнь впроголодь, но Саша решил, что в такой мороз лишний раз не будет выходить. Надо пересидеть. Он и так чуть не отморозил пальцы.

Всего через день после того, как Младший обустроился, сильно похолодало. Небо стало ясным, снег перестал падать, и ударили морозы до сорока пяти градусов.

Шкалы уличного градусника, который достался ему от прежних хозяев, пока хватало, но уже с трудом.

Когда печь нормально топилась, можно было отвлечься. Вытянувшись на скрипучей кровати, где лежал матрас, набитый свалявшимся в комки синтетическим пухом, а одеялом служил спальный мешок, Саша отдыхал и предавался воспоминаниям.

У деда на компьютере была игра, там по развалинам ходил чувак в бронированном самоходном костюме. Не та, где вид сверху, которая Сашке в семь лет казалась очень сложной, где он не понимал две трети шуток из диалогов. А такая же, только трёхмерная, более новая.

Только ни в той, ни в другой игрушке реализмом не пахло. Там всё, что находил герой в пустошах, годилось в пищу. Даже банки, которые целый век пролежали на жаре в пустыне. И

все устройства в заброшенных городах работали как новые, хотя после Войны (там она тоже была) прошло лет на сто больше, чем в реальности.

Жаль, что в реальной жизни всё обстоит не так.

Консервированную еду не найти в мёртвых деревнях. Разве что в больших городах. Но какая это «еда»? Энтропии подвержено всё. От старых бич-пакетов, даже под завалами, осталась только труха. Банки давно вздулись и проржавели. Грызуны добрались до всего остального: крысы, мыши, полёвки и хомяки.

Они прогрызали даже толстую фольгу и пластмассу... будто умели читать и знали, что награда стоит усилий. Стекланные банки роняли с полки, даже тяжёлые, и всё равно добирались до содержимого. Разве что металл некоторых банок им оказался не по зубам. Там, откуда люди ушли навсегда, у пищашей мелюзги были годы и десятки поколений на эту борьбу. И тонкие жестянки часто сдавались.

Крыс в Сибири было мало. Там, где климат теплее, их наверняка будет больше. Но Младший не боялся грызунов, даже больших.

Когда они жили в Прокопе, поисковики находили всякое. Обычно ценными находками хвастались, как рыбаки уловом. Но банки довоенных консервов таковыми не считались. Жрать такое решались или с большой голодухи, или на спор, если уж были совсем дурные. И для некоторых это плохо заканчивалось. В Прокопе такого не случалось. А вот в соседнем Новокузнецке, который официально городом не считался, но несколько «диких» семейств там жили до сих пор, случаи отравлений бывали.

Немногие продукты могли выдержать хранение сроком в полвека без специальных условий, то есть почти под открытым небом. В детстве Саша пробовал древний мёд, банку нашел кто-то из его друзей в подполе одного из домов в пригороде. Тот был тёмный, почти чёрный. Вкус он имел странный, но никто не умер. Хотя больше ложки никто есть не стал. Попадались и разноцветные карамельки. Но это мёд, сладости. Сахар – хороший консервант. А другие продукты, из белков и жиров, никто обычно не рисковал пробовать.

Найденные как-то раз шоколадки отдали свиньям. Хоть те и хранились герметично, всё равно были не просто покрыты налётом, а превратились в каменную гадость. Видимо, ненатуральные были. Хотя Пустырник возразил, что натуральные ещё раньше разложились бы на молекулы.

Возможно, питательная ценность в них оставалась. Но пробовать еду из городских подвалов – это даже не лотерея, а русская рулетка. А вот карамель, хоть и явно чудовищно изменилась, была съедобна – именно благодаря ей Младший знал вкус шоколада, кока-колы, ананаса, киви и многих других вещей. Хоть и говорили старшие, что это химический вкус, не настоящий.

Проблема была даже не в содержимом. Если оно было стерильно, то туда микробы попасть не могли и без воздуха не размножались. Проблема была в таре. Банки портились, металл ржавел. А если была царапина или вмятина – то ещё быстрее.

Причём говорили, что консервы, сделанные перед самой Войной, хранились не так долго, как произведённые в СССР. Вообще, судя по рассказам взрослых, которые сами родились много позже, СССР был чем-то вроде Эльдорадо. Про тогдашнее мороженое, например, легенды ходили.

Были ещё и специальные хранилища. Типа того же Ямантау. Стратегические резервы. Но их давно разграбили – причём не одиночки, а крупные постъядерные города, большие банды и протогосударства, типа той же Орды.

Да и Сибирская Держава, как говорят, в первые два десятилетия своего существования сильно поднялась за счёт того, что выгребла все эти хранилища на своей территории. Товарищ Богданов лично возглавлял такие экспедиции, и всё найденное объявлялось государственной собственностью. Это позволило, как говорил дед, не только сносно кормить население (даже

скоту иногда доставались испорченные консервы), но и высвободить рабочие руки для промышленности и строительства. Сколько-то банок попало в Прокопу, всё-таки она форпостом была. Но к пятидесятым годам всё это давно было съедено или, если испортилось, – утилизировано.

Ещё дед говорил, что параноиков «выживальщиков», делающих запасы в подвалах, в России никогда не было столько, сколько в Америке. Очень редко попадались хорошие нычки в частных домах. Обычно только испортившиеся соленья и засахаренное варенье.

Вот поэтому Саша мог надеяться только на охоту, рыбалку и собирательство. Но зима – не самое подходящее время. Он, конечно, попытается ловить зайцев, ходить на речку. Но особо рассчитывать на это не стоит.

Дотянуть бы до весны, а там и до лета рукой подать. Летом будет проще.

В соседнем доме Саша нашёл столик. Когда-то на нём лежала газета, а может, целая стопка. Теперь их не осталось, но сохранился след от типографской краски на столе, будто оттиск. И можно было разобрать заголовки: «События в Сирии вызывают опасения международного сообщества», «Раскрыты подробности переворота в Иране», «Политический кризис на...».

Кто-то ведь читал это. Накануне Армагеддона. Столик парень забрал себе, хотя на распродажу тот не пойдёт. Пригодится для журналов. Не зря ведь он так и называется «журнальным». Несколько журналов у Саши было. Почитает и сожжёт.

Жители покинули деревню в спешке. Ни костей, ни остатков одежды, обозначающих место гибели людей. Саша знал, что когда кончаются силы, еда и тепло, человек ложится и замерзает – хоть на улице в снегу, хоть в своей постели. Тихая и довольно лёгкая смерть.

Но отсюда люди ушли. Значит, силы ещё были и оставалась надежда. Может, на то, что в городе или в лагерях беженцев шансов побольше.

Тут он вспомнил картину, которую довелось увидеть в соседней деревне. От того зрелища ему долго было не по себе, хотя Саша думал, что его уже ничем не пронять.

Та деревня, к северу от Лозовой, тоже была покинута. Даже названия её он не узнал – ни одного придорожного указателя не сохранилось. Но там была церковь, кирпичная, крепкая. Купол ещё золотился. А может, это был обман зрения. Он в середине дня пришёл, когда ненадолго выглянуло солнце.

Вход в здание был заколочен крест-накрест. Как в том купе поезда, в котором он однажды ночевал во время своего длинного перехода, Саша не сразу понял этот знак и отодрал доски ломиком, думая разжиться свечами. Миновал коридорчик и отпрянул. В просторной комнате с высоким расписным потолком и зарешёченными окнами (попробуй, прогрей такую, да и не видать печи), лежали вповалку скелеты. Все одеты по-зимнему, в пальтах и тулупах, замотаны в лохмотья, которые когда-то были шарфами и платками. На ногах – остатки обуви, в основном валенок и каких-то бот. И все без шапок.

Лежали они перед стеной из икон. Вроде бы она зовётся «иконостасом», хотя Саша слабо разбирался в вопросах религии. Почти все лики святых были смазанными, размытыми, но несколько (Саша не знал их имён) казались не тронутыми временем и непогодой. Они будто следили глазами и за паствой, и за тем, кто потревожил их покой. От этого зрелища даже ему захотелось перекреститься. На всякий случай.

Саша быстро ушёл оттуда, не стал даже свечи брать, хотя они в хозяйстве очень требовались. И дверь снова заколотил. Да ещё, непонятно к кому обращаясь, пробормотал: «Покойтесь».

Молодые, скорее всего, ушли в лагеря беженцев. А старые не бросили свои дома. И может, старики из Лозовой, где храма не было, ходили сюда, да в тот последний день, здесь и остались.

Сны были тягучими, странными, давящими, но никак не могли оформиться в явный кошмар. Однажды Сашка проснулся среди ночи. Вроде бы его разбудил какой-то непонятный звук. Вдруг накатил дикий страх. Сашу потряхивало. Сердце колотилось, как ненормальное. Несмотря на ударный труд пышущей жаром печки, куда он, не боясь угореть, подсыпал два ведра угля, ему стало холодно. Изнутри.

Что это было? С вечера парень на всякий случай заводил будильник (иначе он ведь теперь, после болезни, мог и полдня проспать), но до звонка было ещё далеко.

Долго лежал и прислушивался. Звук не повторялся.

Потом Саша поднялся и пошел на ощупь, ориентируясь по отсветам из поддувала, куда ссыпались красные угли.

Наткнуться на что-то ему не грозило. Мебели мало, и он знал комнату, как свои пять пальцев. Осторожно отодвинул засов и вышел в сени. Дверь за собой прикрыл, чтобы из жилой части избы не выходило тепло. Он хорошо утеплил её, прибав по периметру уплотнитель из чего-то типа войлока. Борьба за тепло напоминала ему экономию воздуха в потерпевшей аварию подводной лодке или космическом корабле.

В сенях стоял мороз почти как на улице. Тут было незаколоченное окно, маленькое, как бойница, с чудом сохранившимся стеклом.

И он увидел недалеко от дома огоньки. Цепочку огоньков. Будто кто-то подвесил гирлянду невысоко над покрытой снегом землёй.

Саша остолбенел, и какое-то время просто стоял. Огоньки, казалось, не двигались... Но нет – они приближались, медленно плыли, как блуждающие огни на болоте, как светлячки (если забыть, что на улице почти минус пятьдесят).

Дыхание спёрло так, что он даже не смог вскрикнуть – воздуха не хватило. Заскочил в комнату с такой скоростью, что не помнил, как там оказался. С бьющимся о рёбра сердцем закрылся на ржавый, но всё ещё крепкий засов. Для верности подпёр дверь комодом. Им управлял какой-то древний инстинкт, который почти не консультировался с его разумом. Всё решал сам.

Уже закрывшись на все запоры, даже не стараясь унять дрожь, Саша вспомнил, что вчера, когда таскал в дом уголь и дрова, видел на снегу нечто похожее на узоры, которые, как ему показалось, были начертаны ветром, – а на самом деле это могли быть наполовину засыпанные отпечатки лап.

В тот момент мозг не распознал их. Будто заблокировал важный сектор памяти. Или посчитал, что хищников здесь нет, и это просто заяц... Но это был не заяц.

Страшно. Хотя Александр понимал, что у волков (а кто это мог быть ещё?) нет рук, и они не смогут ни открыть дверь, ни выломать её.

И тут до него дошло, что все эти несколько месяцев они могли быть рядом. Но он не видел их и не думал о них. Никто не ломился в дом. Пока Саша был в сенях, ему почудилось негромкое рычание. Но теперь снова тихо, стены хорошо изолировали звук. Хотя в этом имелся и жирный минус. Эх, сейчас пригодилась бы пара маленьких окошек для наблюдения из жилой части дома.

Твари выжидали. Или ушли?..

Саше показалось, что он смог выдохнуть только минуты через две.

«Огоньки горят, но не на ёлке. Ты, дружок, не бойся, это волки», – вдруг сам собой сложился стишок в голове, и парень сдавленно засмеялся.

В самый раз для встречи 2070 года. Хотя, по его подсчётам, был уже конец января. Конечно, его дом – его крепость. Окна заколочены, а снаружи ещё и ставнями закрыты. Ни одно животное не пробьётся. Двери – две, обе прочные, с засовами.

Волки уйдут, оставят его в покое. А не уйдут... им же хуже. Он убьёт парочку и съест. Найдёт способ. Это ещё не худшее, что может быть. Тревожнее было бы увидеть следы людей. Или услышать звуки мотора, ружейный выстрел, голоса. Вот от этого не спасли бы ни двери, ни засовы, ни толстые стены.

Так Александр успокаивал себя. И хоть он слышал много охотничьих историй про коварство серых, в Прокопе они больших проблем не доставляли, поэтому Саша их недооценивал. Думал, что опасны они для тех, у кого есть скот или дети. Охотники, которые ходили далеко в тайгу, считали волков добычей или досадной помехой, а не угрозой. Но то опытные мужики, которые со своими ружьями были как одно целое.

Иногда маленький Сашка слышал другое. «Жрут всё, что на четырёх ногах, кроме столов и стульев. Но могут и то, что на двух. Умные, почти как люди. Хорошо, что у них лапки...» – вспомнил дедушкины слова.

Младший подумал, как ему везло во время пути. Сейчас он в более выгодной позиции. Но он плохо знает их повадки. Если убьёт одного, будет ли стая мстить до упора или, наоборот, сбежит? Только дьявол поймёт психологию умных зверей, у которых есть и инстинкты, и «коллективный разум».

Утром Саша со всеми предосторожностями вышел из дома. Сначала вглядывался в окошко в сених, потом приоткрыл дверь и выставил шапку на палке, на случай если кто-то затаился в «мёртвой зоне» справа или слева. Долго прислушивался и только минут через пятнадцать позволил себе выйти в обнимку с ружьём. И обомлел.

Вся снежная поляна – бывший двор – была покрыта «лапками»: вверху четыре овальных пальца полукругом, внизу в основании – пятый в форме сердечка. Он насчитал четыре или пять двойных цепочек, которые шли вокруг дома по спирали, будто серые искали, нет ли способа попасть внутрь. Хотя он не следопыт, и их могло быть меньше... или больше... Перед дверью следы тоже имелись.

После этой ночи Саша стал ещё более осторожным. Работы, которые можно было делать под крышей, перенёс туда. Во дворе двигался перебежками. Если было пасмурно, выносил свою лампу-коптилку, вешал над дверью, зажигал самодельные факелы из тряпок, а иногда и небольшие костерки. Почему-то ему казалось, что открытый огонь напугает зверей. Может, из книжек про первобытных людей что-то засело в голове. А ночью... и вечером тоже... из дома носа не высовывал. Да не очень-то и хотелось.

Даже на минуту не расставался с ружьём, а ставни дома утыкал гвоздями остриями наружу. Может, против волков это было излишним, но он уже подумывал, что тут могут водиться и медведи.

Не поленился и отгородил небольшой участок, просто вогнав поглубже в снег металлические трубки, а на них натянул древнюю оцинкованную колючую проволоку в три ряда. Кое-где подпёр эту конструкцию досками, листами железа и прочим хламом. Получилась площадка пять на пять метров между домом и сараем. Вышло достаточно прочно, но после каждой сильной бури придётся поправлять, а после каждого хорошего снегопада – прочищать дорожки. Или просто приподнимать всю конструкцию выше. Если твари зацепятся шкурой за проволоку, это им не понравится, и они уйдут, решил он. У них же не только лапки, но и густая шуба.

Ещё придумал периодически мазать импровизированный забор и дверь химическими жидкостями с резкими запахами, которые нашёл на железнодорожной станции и соскрёб со дна ёмкостей.

Оставил себе проход через эти ограждения – «калитку» из решётки, привязав её верёвками к двум капитальным столбам, оставшимся от забора, которые были частью его «периметра». Инструментов у него теперь хватало – плоскогубцы, молоток, ручная пила, нож,

выдержга и ещё много чего. Во время работы Саша натерпелся страху, при каждом шорохе скрываясь в доме. Зато Робинзоново логово получило защитный периметр.

Попробовал вешать на проволоку испытанные им в подъездах сигнальные банки. Предполагалось, что они будут гроыхать, предупреждая о непрошенных гостях, едва те заденут забор. Но пока банки тряслись и гроыхали только от ветра, так что пришлось их убрать. Для открытого места такое ноу-хау не годилось.

А ещё Младший понял, что надо искать капканы.

Стая не появлялась. И даже её следов он больше не находил.

Означало ли это, что волки признали в нём опасного противника, связываться с которым – риск? Ему эта версия льстила. А может, они были не настолько голодны. Похоже, люди им всё-таки знакомы, и что такое ружьё, они знают. Предпочли поискать более лёгкую добычу. До поры до времени.

Опять, как и в случае с убыром, тут была чужая земля, и ему были не рады. Но Сашка не собирался жить здесь до лета, хотел просто отлежаться, перезимовать, и никакие блохастые ему не помешают. Искать другое место? Не вариант. Там тоже могут быть и волки, и собаки, и люди... нормальные и нет, но всё равно опасные. Могут быть медведи... А такой удобный дом трудно найти. К тому же в него уже вложено много сил.

Может, в городе в многоэтажном доме и проще было бы от волков отбиваться. Но квартиру гораздо труднее утеплять и отапливать. Там его добил бы холод. Да и мало где в квартирах есть печи.

Дней через десять он осмелел настолько, что позволил себе вылазку в лес. Надо было набрать валежника. Пошёл на снегоступах и наткнулся на лыжню. Саша припустил, как ошпаренный, напугавшись не меньше, чем когда увидел светящиеся глаза за окном.

Нет, нельзя расслабляться! И огонь лучше пока не зажигать. Совсем.

Днем позже, когда его занесло близко к шоссе, увидел, как по дороге с востока несётся... собачья упряжка из четырёх похожих на лаек (или волков?..) животных. Они тащили небольшие сани, в которых сидел человек, а за его спиной были сложены то ли тушки, то ли шкурки.

Почему-то Младший вспомнил рассказы Джека Лондона про Аляску. Но от этого «покорителя фронта» Саша тоже предпочёл спрятаться. Больше он к шоссе не совался.

Робинзонада быстро ему надоела. Это было совсем не весело.

Хорошо, хоть болезнь отступила. Его уже не тошнило, а голова если и болела, то только от дыма, который печка щедро выпускала, и не только в трубу, но и в дом.

Силы восстановились. Он понял, что лучевая болезнь посетила его в лёгкой форме. Иначе бы он уже был мёртв.

Бывали моменты, когда Сашка сильно уставал, и подумывал, не вернуться ли в Еловый Мост. Может, не убьют, а только допросят?

Но тут же ругал себя за слабость. Вернуться – верная гибель. Даже если доктор сдержит слово, его добрые соседи, которые детей больных привыкли на мороз выставлять, посадят странного чужака в подпол, а потом или зарежут, или ордынцам выдадут, когда те снова будут мимо проезжать.

Вернуться домой? Нет у него больше дома. Добраться отсюда в Заринск не проще, чем долететь до Луны. Хотя и то, что он уже совершил, – поступок экстраординарный. Прошёл пешком не меньше тысячи километров, зимой. Пусть и в период, когда не было ещё морозов. И не по лесу, а по бывшему шоссе.

Капканы Саша вскорости нашёл, причём разные – и на мелкую дичь, и на крупную, очистил от ржавчины и смазал. Но в них никто не попадался, и он не понимал, в чём дело. Хотя подозревал, что не знает каких-то тонкостей этой науки.

Подлёдная рыбалка тоже не задалась. Просидев часа два над прорубью и замёрзнув как пузик, поймал две рыбёшки, по которым не ясно было, детёныши это или порода такая. Можно было бы добычу и отпустить, но он почистил рыбок и сварил – пригодились купленные у доктора картошка и морковка, и хорошо, что соль и перец у него ещё были. Так себе получилась уха, рыбы размером с ящерок, но он и такой был рад.

Рыба покрупнее на удочку не шла. Тоже, наверное, секреты есть какие-то. Александр понял, что не прокормится. Может, летом ещё был бы шанс, но не в такой сезон. Его навыков для этого мало.

Помыкавшись несколько дней, он понял – остатки собачатины закончатся раньше, чем морозы, и на ней одной он не продержится, даже с учётом горстки мелкой картошки, нескольких морковин и бульонных кубиков, найденных когда-то в купе поезда.

Надо добыть свежего мяса. Не получается с капканами – попробует делать ловушки. Патроны-то жалко тратить.

Смастерил одну. Вроде, похоже получилось. Может, если не хотят в железный капкан, то попадут в такой? Заденет лапой эту штуку страшный зверь с ушами, сработает вертушка, и взлетит заяц в петле. И будет болтаться беспомощный, пока не придёт охотник. Теперь надо найти заячью тропу в лиственном лесу (вроде когда-то слышал, что в сосняках и ельниках их меньше). Эх, и почему он раньше не задумывался, что беззаботная, сытая жизнь может закончиться в одну минуту... Саша нашёл что-то похожее на тропинку, увидел следы и даже шерстинки на снегу. Но ни одна ушастая тварь в его «зайцеловку» попадать не собиралась.

Впрочем, он уже был готов и пули не пожалеть, но никто ему не подвернулся за время прогулок по лескам (точнее, по опушкам). Только вороны, которых он пока есть не хотел, и мелкие птички, похожие на воробьёв. В них сложно было бы попасть, да и разнесёт пуля эту мелочь в клочки. Несмотря на морозы, каждый день ходил к проруби и сидел там с удочкой. Изловил ещё одного «рыбьего детёныша», которым не наелся бы даже кот. И больше – ничего, хотя пробовал рыбачить в разное время суток, делал наживку из собачьих жил и хрящей (червей у него, понятное дело, не было), готов был уже с бубном танцевать... Возможно, терпения не хватало. При любом дрожании лески вскидывал удочку, но дрожать могли, прежде всего, руки. Прорубь была у самого берега – когда хотел продолбить поближе к середине, чуть не провалился. Хоть ручей и неглубок, приятного в этом было бы мало. Постепенно выудить что-то отчаялся и удочку забросил.

В Прокопе иногда ловили рыбу плетёной ловушкой со смешным названием – мордушка. Это такая конструкция в виде цилиндра, вход у неё узкий, как воронка. Саша уже собирался попробовать её сплести и обдумывал, из чего бы это сделать. Нужна была или тонкая проволока, или лоза. Оба варианта были одинаково неосуществимы, но парень упрямо возвращался к этой затее, перебирая в памяти все доступные ему материалы. К счастью, во время очередного сталкерского обхода деревни он нашёл сразу две совершенно целые довоенные морды из синтетической сетки. Эти штуки Саша ставил в лунки, но ничего, кроме мусора, туда не заплывало. Только руки застудил в ледяной воде.

Однажды во время вылазки, уклонившись к востоку, Младший услышал вдали пение петуха, посмотрел карты, сверился с компасом, и понял, что его забросило... совсем близко к городу Сатке. Только не со стороны шоссе, а с севера, где раскинулся большой карьер.

Шальная мысль посетила Сашину голову. Он к тому времени уже чувствовал, как голод меняет его психику. Хотя немного продуктов ещё оставалось, но он сильно сократил рацион, экономя запасы. Он ещё поборолся, внушая себе, что скоро весна. Будут хоть какие-то корешки. А летом он если не охотой, то собирательством сможет... нет, не наедаться до отвала, но хотя бы не окочуриться с голоду.

Боролся дня три. Но надеждой сыт не будешь.

К чёрту! Раз люди там живут нехорошие, то сам бог велел...

Кстати, потеплело – градусник показал «всего» минус двадцать. Саша решил, что это хороший знак, и пошёл на дело. За окорочками.

«Окурочками». От слова «курица».

Подготовился основательно. Взял рюкзак для добычи, пистолет, нож, фонарик, бинокль, кусачки, даже лопату с короткой ручкой на случай, если придётся делать подкоп. Винтовку, поколебавшись недолго, оставил дома. Если понадобится спастись бегством, она будет только мешать. Боевые действия он устраивать не собирался, а волки...он уже давно их не видел. Может, они тоже подались всей стаей куда-нибудь за лучшей жизнью.

Самое главное – продумал план действий. Было в нём несколько неясных моментов, но Саша решил, что сориентируется на месте.

Обогнул глубокий карьер по краю. Миновал многоэтажные дома. Перешёл по льду озеро, бормоча под нос то ли заклинания, то ли молитвы. Всё обошлось, лёд был крепкий.

Вышел к тому самому парку аттракционов, с кораблём и пушками. На островке сейчас явно никто не проживал (это он понял по нетронутому снегу и отсутствию огней). И отсюда легко добраться до нового поселения с той стороны, откуда его не ждут, с тыла. Младший расположился в красивом кирпичном здании, похожем то ли на замок, то ли на дворец. Саша не очень разбирался в архитектурных терминах.

Окна были с пластиковыми рамами и целыми стёклами.

Первым делом прошёлся по просторным комнатам, осмотрелся. Хотя печь здесь не топили много дней, а может, и недель, сравнительно недавно тут кто-то жил, и жил хорошо, с размахом. Об этом говорила не только уцелевшая обстановка, но и красивая отделка стен, ковры на полу, необъятная кровать с балдахином... Да что говорить – в одной из комнат он впервые увидел живую рояль. Почему-то он сразу понял, что это не пианино. Внутри оказалась пыль и труха, а крышка заржавела. Звуки, которые путник извлёк из него, постучав по клавишам, неприятно резали даже его неискушённый слух.

Мебель, кстати, вся массивная, вычурная. На всякий случай пошарил по шкафам, не особо рассчитывая на успех. Съестного, конечно, не нашёл. И ничего полезного. Красивая посуда, необыкновенная одежда (только летняя), книги, статуэтки... Такое ощущение, что всё действительно нужное выгребли до него.

Сейчас не до этого, набивать рюкзак барахлом глупо, но потом, когда-нибудь, можно будет ещё наведаться сюда.

Александр бы и жить здесь остался (с его хибарой не сравнить!), но увидел несколько признаков того, что это место посещается. Прямо в коридоре, куда вёл парадный вход, в стену вошла настоящая арбалетная стрела. Сам разряженный самострел был закреплён под вешалкой для одежды напротив.

Ещё одна хитрая ловушка оказалась у второй двери, задней. На этот раз снаряжённая. На голову вошедшему должна была упасть тяжёлая гиля. А может, не должна – не факт, что это адское приспособление сработало бы как надо. Но кто-то не поленился его сделать.

Значит, задерживаться нельзя.

Но сейчас надо заняться тем, зачем он сюда пришёл. Он поднялся на самый верх, на чердак. Крышу здания украшали декоративные башенки, и он был в одной из них. В бинокль всё было видно, как на ладони. Сразу за протокой тянулся ряд домов, с виду довольно крепких, с целыми крышами и окнами. Обитаемых. Определился с «жертвой». Прямо напротив его наблюдательного пункта красовался за глухим забором ухоженный двухэтажный домик. Меньше этого, но тоже не мал. Что ж, похоже, тут живут зажиточные люди, такие легко переживут потерю одной-двух куриц.

Хозяйственные постройки стояли близко к забору. А Саше нужен был курятник.

Он точно знал по рассказам доктора, что в Сатке есть козы, коровы и свиньи. Сейчас все они в хлевах, никто их не гоняет на пастбище траву из-под снега доставать. Это же не северные олени. И стерегут их, как зеницу ока (ещё один не очень понятный древний фразеологизм... Дедушка, не тому ты учил своего любимого внука, не те книги давал ему читать. К чему теперь все эти знания? Филология, история... разве помогут они хоть раз поесть досыта? Лучше бы ты учил, как можно одиночке выжить в лютый холод в этом враждебном мире).

Да, крупный (и не очень) скот – большая редкость и ценность.

И да, убить козу или корову, дающую молоко, или свинью, дающую сало, было бы безумием. Причём безумием невыполнимым. С ним скотина не пойдёт, забить и разделать на месте никто, конечно, ему не даст. Шумно, опасно... гораздо проще утащить курицу, свернув ей шею. Те, у кого их десяток, не пропадут без парочки.

Честно постучать и попросить продать? Не вариант. За последние патроны, ружьё или золото? Золото у него заберут просто так, хоть оно и не очень ценно. Ружьё и патроны отнимут в первую очередь. А там уже – или убьют, или просто избыют и со смехом прогонят.

Нет, к этим людям нельзя выходить открыто. Мало они его гоняли, что ли? Так пусть теперь погоняют за дело, а не просто так.

Как узнать, который из этих сараев – курятник, и есть ли там куры? Нужна разведка. Просто перейти или даже переползти протоку? Нет, слишком он будет выделяться на снегу. Нужна маскировка. И тут Саша вспомнил, что в комнате с большим овальным столом (столовая?) в пузатом шкафу («буфет» – подсказала память) он видел белые скатерти. Да, ещё есть в этом мире люди, которые едят в столовой, с красивой посуды, за столом, покрытом белой скатертью... Даже в Заринске это было редкостью, а в Прокопе – тем более.

Хотя где они теперь, эти люди? Почему здесь никого нет? Ему-то это только на руку, но всё же? Вдруг молнией мелькнула догадка – «Манькина Лагуна»! Семён Максимыч! Хозяин Сатки, сгинувший в Орде!!! А сынкам его, наверное, здесь жить не захотелось, а может, не могут разделить наследство. Или сами ушли куда-то промышлять. Зато понятно теперь, почему тут не разграблено всё. Местные знают и боятся. А с чужими разговор короткий.

Саша взял скатерть и вышел к протоке. Положил скатерть на снег, отошёл и придирчиво осмотрел свою «маскировку». Да, белое на белом – идеально! Он накрылся скатертью и пополз, на всякий случай – не очень быстро. Иногда осторожно выглядывал из-под своего укрытия, чтобы не сбиться с намеченной траектории. И вот Саша уже около забора, вроде добрался без происшествий. Из низенького сарайчика доносились звуки, которые ни с чем нельзя перепутать. Противное «ко-ко-ко». Похвалив себя за сообразительность, Данилов тем же макаром вернулся на остров. Сильно промёрз, но был горд собой.

Дождь темноты. Какое-то время окна в выбранном доме светились. Но вот вроде все утомонились. Саша выждал ещё немного и решил – пора. Ещё одним хорошим знаком для него было то, что пошёл снег. Он падал крупными хлопьями, и видимость сразу резко сократилась. Теперь, даже если хозяева и выглянут в окно, то увидят только снежную завесу. А главное – снег скроет его следы.

«Да ты везунчик, парень», – думал Саша, на ощупь пробираясь вдоль деревянного забора. Довольно высокого, но были места, куда можно поставить ногу. Главное, чтоб и с той стороны они нашлись.

Колючая проволока была натянута поверху, но Младший уже наловчился её резать. Две минуты, и он перемахнул на ту сторону. Затаился, прислушался... Вроде, собаки здесь он не видел и не слышал, но мало ли... Вдруг её только на ночь выпускают? Но нет, тихо.

И вот он увидел будку совсем рядом. Остолбенел, но тут же понял – пуста. И обрывок цепи в снегу. То ли сорвалась псина недавно, то ли волки утащили.

Так, отлично! Теперь – пробраться в курятник. Парень с детства почему-то не любил кур, а петухов боялся. У них петух был очень боевой, клевакый, и маленький Саша, когда

его посылали собрать яйца, всегда брал с собой длинную палку – отбиваться от петуха. Вот и сейчас он представил, что петух сразу кинется на него, как динозавр, Саша забьёт его ногами в честном бою и заколет тремя ударами ножа, а ближайшим курицам, бросившимся врассыпную с кудахтаньем, перережет шеи, кривясь и от брызг липкой горячей крови, и от отвращения. К себе.

Ничего этого не было. Всё случилось настолько просто, что, уже перейдя по льду и оказавшись на острове, Саша думал – в чём подвох? Где погоня с собаками, крики, выстрелы, цветистые ругательства? Почему его руки не пахнут кровью, а сам он не облеплен перьями и не испачкан жидкими куриными фекалиями?

Дверь в курятник оказалась закрыта на засов. Не понадобился его «набор юного взломщика». Саша зашёл и в слабом свете фонарика рассмотрел сидящих на жёрдочках кур. Они не стали хлопать крыльями и кричать. Парень взял ближайшую в руки и, преодолевая рвотные позывы, свернул ей шею. Сунул в рюкзак. Потянулся за второй, за третьей... Это прошло уже проще. Вдруг зашевелился и начал издавать какие-то непонятные звуки петух. Пришлось свернуть шею и ему... Итого – четыре тушки. Достаточно, надо же и хозяевам что-то оставить. С тяжёлым рюкзаком, набитым куриными трупиками, Саша снова полез через забор. Такой вот Дед Мороз наоборот.

Вскоре он был на берегу и смело ступил на лёд.

На острове оказался очень быстро, там отдышался и убедился, что преследования нет. Он немного сбился в темноте и в снегу, поэтому вышел правее того места, где был днём.

Возле выбросившегося на сушу парусника возвышалась какая-то конструкция, днём он видел её, но не подошёл. Кажется, это называется «карусель»? Нет – небольшое колесо обозрения, в нижней кабинке которого что-то белело. Посветив фонариком, Саша рассмотрел запертый там скелет. Посветив по очереди в остальные кабинки, он увидел такое, что ему снова пришлось бороться с подступающей рвотой – почти в каждой находился труп, в той или иной стадии разложения. Сейчас эти страдалцы, конечно, были замёрзшие, но весной, а тем более летом... не хотел бы он оказаться тут летом... Так вот какие аттракционы у них тут! Может, это была мера наказания?.. Но, сдаётся, знак адресован непрошеным гостям. Их в Сатке не жаловали. Если бы Саша заметил это предупреждение сразу, то боялся бы сильнее. Нет, он и так знал, что обворовывает не безобидных селян, а любителей грабить и мародёрствовать... даже если тут не все такие. Но такой кары для себя не хотел.

Ясно, что и ловушки были не для красоты. А вокруг могли быть и другие. Хотя бы те же капканы.

Надо смотреть в оба.

Он пошёл дальше, петляя, чтобы путать следы, на случай погони, хотя снег ещё валил. Только вернувшись домой, Младший окончательно поверил, что его не поймали, не убили, он не провалился под лёд и его не загрызли волки... Да его даже петух не клюнул. Пронесло... Хотя штаны всё-таки оказались порваны – видимо, зацепился, перелезая через забор.

А ведь он дошёл до ручки. Промелькнула мысль: если бы попалась кошка – украл бы и её для рагу? Наверное, нет. Хотя знал, что по вкусу они не хуже курицы. Но кошек Саша воспринимал как домашних любимцев, которые даже ближе людям, чем собаки. Ведь собаки бывают и дикие, грязные и опасные, на них можно охотиться... А вот кошек диких в Сибири не водится, не считая рысей – но те далеко в лесу, да и не спутать их с домашней муркой. В общем, у него сложился стереотип, что котиков есть нельзя. Не зря же на них раньше чуть ли не молились, со времён Древнего Египта и до времен Фейсбука. Сейчас, после Войны, к ним стали относиться куда спокойнее. И даже кое-где допускалось, что можно их на сковороду или в кастрюлю, коли есть нечего, ну, или за плохое поведение. А шкурку – на шапку... Правда, в цивилизованных местах типа Заринска или Прокопы кошатину открыто не употребляли.

Но усарых-полосатых ему не попалося.

Ощипал тушки, выпотрошил, чувствуя себя кровавым убийцей. Что было бы, столкнулся он с хозяевами? Он ещё днём подсчитал, что в доме человек пять живут, не меньше, не считая детей.

Это было безумием. Но опять ему повезло.

«Я сражаюсь за правое дело, – попытался Саша успокоить себя. – К тому же эти люди желали мне зла. И вредили многим».

Старый Краснов, который вырос в Коммуне, коллективном поселении, любил повторять, что любая собственность – это кража. Всё должно быть общим. Ему в ответ шутили: мол, и жёны тоже? На это он всегда отвечал, что женщина, как и собака, и лошадь – не собственность, а товарищ.

Жители той коммуны из Челябинской области переселились в Сибирскую Державу, и, хотя их было около тысячи человек, они за два прошедших поколения растворились среди местных, поселившись в трёх больших сёлах, а кто-то и в столице. Хорошими работниками оказались, не лодырями, не пьяницами.

Но сам коммунальный образ жизни постепенно утрачивался. Сразу после Войны все сибиряки жили примерно одинаково – общинами. Иначе той Зимой было не выжить. Но уже к моменту рождения Саши появилось небольшое расслоение, разница в достатке, хоть и не в разы. Ведь кто-то – более способный и работающий, объяснял себе Младший, а кто-то любит спать и песни горланить. Поэтому всё честно. Настоящих паразитов и бездельников у них не водилось. Но прежние законы, которые ещё товарищ Демьянов, создавший их маленькую страну, установил – о запрете на торговлю и долевом распределении по едокам и всеобщей трудовой повинности – постепенно канули в Лету, потому что, как многим казалось, создавались только для Зимы и первых тяжёлых лет. Сейчас было сложно, но уже не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.